

К 1511 938

ec

Рубцовские МОТИВЫ

**Творческое объединение «Объектив»
Вологодской областной библиотеки**

12+

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Рубцовские мотивы

Альманах
творческого объединения
«Объектив»

12+

Вологда
2019

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

УДК 821.61.1
ББК 84(2Рос-4Вол) 6
Р82

Р82 РУБЦОВСКИЕ МОТИВЫ: литературно-художественное издание / (Творч. об-ние «Объектив» ; ред-сост. Н.Б. Трофимова). - Вологда: Полиграф-Периодика, 2019. - 96 с.: ил. - 12+

ISBN 978-5-91965-180-2

В сборник вошли воспоминания о поэте Николае Рубцове, размышления о его творчестве, стихи, посвящённые ему, и о нём, а также снимки вологодских фотохудожников как иллюстрации к произведениям поэта. Предназначено широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-91965-180-2

УДК 821.61.1
ББК 84(2Рос-4Вол) 6

© Творческое объединение «Объектив», 2019.
© Оформление
ООО ПФ «Полиграф-Периодика», 2019.

Сергей БАГРОВ,
член Союза писателей России,
друг Николая Рубцова с юных лет.

БЕЗ ПОЭЗИИ НЕТ РОССИИ

Сегодняшний день и Рубцов. Иногда я вижу его, вступающего в зал, где все места заняты. Вступающего не через дверь. А прямо через каменную стену, которая при этом остаётся целой. словно пришёл сюда Гость. И улыбается во всё своё нестареющее лицо:

– Явился к вам, чтоб сказать всем неверующим: без поэзии, так же как без любви и милости, нет России!..

Любимец Рубцова, он же его учитель и вдохновитель, Александр Сергеевич Пушкин сказал:

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный.
К нему не зарастёт народная тропа.
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрейского столпа...*

Не знал Александр Сергеевич Пушкин, что, говоря о себе, он говорил и о Рубцове, певце, который спустился на нашу землю без малого через сто лет после него. Так же, как не знал Николай Рубцов того, что, говоря о Пушкине, он одновременно скажет и о себе:

*Словно зеркало русской стихии,
Отстояв назначенье своё,
Отразил он всю душу России
И погиб, отражая её.*

Не по собственной воле оказался Рубцов в селе Никольском, где родным его домом стал детдом. Здесь ещё в школьном возрасте писал он стихи. Стихи эти не сохранились. Были сожжены в детдомовской печке вместе со стенгазетами, куда время от времени помещались. Может, поэтической ценности не представляли. Лишь отмечали опыт, с каким подрастающий мальчик год за годом приближался к духовным высотам, на которые в нужный

час и взойдёт. Восхождение же своё начал Рубцов именно здесь, в Никольском, или в деревне Никола, как любил называть эту весь. Только за летне-осенний сезон 1964 года он написал 39 стихотворений. И почти все стали классикой русской литературы. Почему легли они на душу нам как выражение высочайших человеческих чувств? Да потому, что писал их поэт на любимой земле.

Рубцова всегда тянуло в Николу, здесь он чувствовал себя на родине. А родина могла бы быть в каких-нибудь пятидесяти километрах, на берегу речки Стрелица. Здесь у родителей будущего поэта Михаила Андрияновича и Александры Михайловны Рубцовых родились первые дети. В этом краю, переполненном сенокосными гладями, ягодными лесами, весёлыми ливнями, пляшущими в водах реки золотыми лучами, должен бы был родиться и Коля Рубцов. Однако зигзаги судьбы увели семью в иные края, в архангельский Емецк...

Лесная опушка, бабочки и кузнечики на лугу, речка с плывущей по ней утиной семейкой. Всё это было и есть как на Стрелице, так и на Толшме. И тут, и там красота, с какой сравнимы разве уголья роскошного рая. Вот почему маленький Коля Рубцов в окрестностях тихой Николы ощущал себя сыном здешних полей, деревень, косогоров, лесов, ручейков и речек.

Не раз я публиковал свои воспоминания о Николае Рубцове, письма, которые писал он мне в Тотьму и Вологду. Воспоминаний и книг о нём издано немало. Авторы этого сборника, подготовленного творческим объединением «Объектив» Вологодской областной библиотеки, не ставят задачу – открыть новые страницы его биографии. Прежде всего они говорят о восприятии творчества поэта, о том, как продолжают жить в народе его стихи.

Наталья ТРОФИМОВА,
член Союза журналистов России, поэт, фотохудожник,
автор шести стихотворных сборников,
руководитель творческого объединения «Объектив»
Вологодской областной научной универсальной библиотеки,
автор и редактор-составитель всех альманахов «Объектива».

НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ С РУБЦОВЫМ

*Привет, Россия, – родина моя!
Сильнее бурь, сильнее всякой воли
Любовь к твоим овинам у жнивья,
Любовь к тебе, изба в лазурном поле.*
Николай РУБЦОВ.

В конце шестидесятых – начале семидесятых годов я работала фотокорреспондентом, потом зав. отделом промышленности в тотемской районной газете «Ленинское знамя». Коллектив редакции был в основном молодой. Жили весело, интересно. Родная моя Тотьма была тихим городком с зелёными улицами и скверами, а Сухона наша – бойкой, оживлённой рекой. Ходило по воде в обе стороны много разных судов, буксиры тащили к Вологде огромные плоты древесины. Шли пароходы, переполненные пассажирами. Очереди за билетами в кассе речного порта занимали с вечера. Рейсовые автобусы летом не ходили, дорогу до Вологды приводили в порядок только к декабрю, когда снег закроет рытвины да ямы. 12-местных самолетов «аннушек» летало немного, тоже было нелегко на них билет достать. Зато как интересно и приятно «плыть, плыть, плыть», как писал Рубцов, на медленном теплоходе по широкой спокойной реке! Жаль, что не испытать уже здесь удовольствие тех давних лет.

Приезжало тогда в Тотьму немало гостей именитых. До сих пор этот живописный городок любят художники, писатели. Конечно, многие из них, особенно поэты, заходили к нам в редакцию встретиться с друзьями-тотьмичами, выпить вместе нашего клюквенного винца, на бильярде сразиться. Да ещё гонорар заработать за свои стихи в газетке. Его приезжим гостям выдавали сразу, авансом, не дожидаясь публикации. Пятёрка, а то и десятка за подборку стихо-

творений – очень даже неплохо в те времена. Хватало и на клюквенное вино, и на обед с ужином, и на билет до Вологды. А главное – ехали вдохновиться, пообщаться с природой и с народом в этом истинно русском крае. В стихотворении «Последний пароход», посвящённом памяти Александра Яшина, Николай Рубцов писал о таком вот путешествии по Сухоне:

*В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, разбрызгивая воду, –
Скажите мне, кто был тогда не рад?
Смеясь, ходили мы по пароходу...*

Вот сейчас бы так нам, бедным поэтам! Приехал в путешествие, только что написанные стихи сдал для публикации в местную газету – и получи заработанное. Стихи нынешних поэтов тотемская газета, как и другие, публикует, а о гонораре нигде и речи нет. Накрести бы денег на зарплату штатным сотрудникам.

В те далёкие времена я, так же как и Рубцов, очень любила наш уютный патриархальный городок – такой, каким он был. Поэт писал о Тотье той поры:

*Тот город зелёный и тихий
Отрадно заброшен и глух.
Достойно, без лишней шумихи,
Поёт, как в деревне, петух.*

Для меня всё это знакомо, дорого, незабываемо! С детских лет наслаждалась отрадой такой вот тихой спокойной жизни среди природы. Немало уединённых уголков находили мы для своих игр и приключений. За три копейки на пароме уплывали на другой берег в чистый и светлый бор, где грибов и ягод всем понемногу хватало. В молодости уже уходили подальше, осваивая окрестности. Рубцов полюбил на весь свой век эти благодатные места. Не могу без волнения читать строки, которыми он заканчивает стихотворение «Тот город зелёный»:

*Но вечно пусть будет всё это,
Что свято я в жизни любил:
Тот город, и юность, и лето,
И небо с блуждающим светом
Неясных небесных светил...*

Но на Земле ничто не вечно. Много изменилось с тех пор в нашей маленькой Тотье! Люди живут в домах и квартирах с удобствами, морс у киоска не пьют, а сидят в кафе и ресторанах, ходят и ездят по асфальтированным улицам, где-то даже уложенным красивой плиткой мостовым. А до Вологды, как говорится, рукой

подать: дорога прекрасная, быстро бегут автобусы и маршрутки, да и собственные автомобили у тотмичей имеются. Но Сухона обмелела, затихла, зарастает ивняком. Только рыбацкие лодки здесь и увидишь. Сейчас жарким летом по ней, в рубцовское время глубокой, полноводной, где-то можно до середины добрести, замочив ноги немного выше колена. И всё же осталась Тотьма зелёным городком, куда влечёт неудержимо не только тех, кто здесь родился и жил. Влечёт и Сухона с её живописными берегами.

*На Сухоне в шестидесятые
годы прошлого века.*

В любую пору, когда бы на родину ни приехала, обязательно похожу, посижу у реки, а теперь уже и у памятника поэту, для которого выбрано красивое место – среди берёз на крутом берегу. К реке он сидит спиной, а смотрит на город, на улицу Красную, где не раз бывал в гостях у друзей. Рядом дорога (единственная в Тотьме оставшаяся мощёной камнем) спускается к реке – туда, где в его время стояла пристань, толпился народ. А в последние годы – тишина и безлюдье.

Больше всего люблю приходить к Сухоне ранним летним утром, наблюдать, как над рекой рассеивается туман, как поднимается солнце. Однажды в такую пору у памятника Рубцову написала стихотворение:

*Какое утро! Солнце всходит
И розовеют облака,
Плывут в лучах его восхода.
В тумане прячется река.
И ветерок – приятный, лёгкий –
Разносит аромат полей.
И слышен голос издалёка –
Вновь славит утро соловей.
Зовёт на холм, где под берёзой
Сидит, задумавшись, поэт.
Ушёл в мечты, виденья, грёзы,
Так пребывает много лет.
Проходят дни, проходят годы.
Нет пароходов, теплоходов,
Но всё плывут в лучах восхода
И розовеют облака.*

Давным-давно нет голубого дебаркадера – причала с гостиницей. У берега стоит лодом только рабочий катерок «Соловей», небольшая команда которого расставляет на Сухоне бакены. Когда впервые увидала его в светлое июньское утро, чуть выше, под стенами

*Берег Сухоны у тотемской школы № 1.
Внизу – речной вокзал. 1971 г.*

Успенского храма распевала любимая всеми птичка, именем которой речники назвали свой катерок. Я тут же написала экспромт, который опубликовала тотемская газета. Вот несколько строк из этого стихотворения:

*Ранним утром на реке моей
Только я да катер «Соловей».
А в кустах прибрежных соловей
Уж давно живёт среди ветвей.
В это утро он опять поёт
Возле храма и у светлых вод.*

Снова продолжаю путешествие в прошлое. Была я тогда девочкой тихой и скромной. К гостям редакции особого интереса не испытывала. Но испытывала сильную неприязнь ко всем пьющим людям, так как в семье моей и среди наших знакомых таких не видала. С Рубцовым и другими гостями из Вологды общались и дружили мои коллеги постарше. Не помню, куда их приглашали на встречи с читателями. В тотемской библиотеке, несомненно, гостей-писателей всегда хорошо принимали. Но я в те годы открывала для себя деревню, досель мне неизвестную. Кто-то, может быть, не поверит, но мимолетной беседе с именитыми гостями предпочитала поездку в какую-нибудь дальнюю деревню, где жили-поживали старики и старушки древние, тихие и задумчивые, как рубцовский Филя, о котором, конечно, узнала позже.

Тотемские журналисты Александр Королёв, Василий Баранов и другие общались с гостями из Вологды запросто, по-свойски. Не слышала я ничьих восторженных отзывов о стихах, которые печата-

лись в «Ленинском знамени» – некоторые только-только написанные. На третьем этаже редакции была бильярдная, корректорская и моя фотолаборатория. Рубцов не раз с кем-то играл в бильярд и даже заглядывал в нашу дверь. Но дальше мы его не приглашали. Я проявляла плёнки, печатала фотографии, чтобы поскорее всё сдать да снова отправиться по колхозам. А стихи читала Пушкина, Лермонтова, Фета, известных советских поэтов.

Удивляюсь, почему не попросили меня сфотографировать кого-то из вологодских авторов к подборке их стихов на литературную страницу газеты. Самым представительным и импозантным казался тогда Виктор Коротаев. Солидный, с окладистой бородкой, а главное – чаще пребывал трезвым. Его по собственному желанию сфотографировала. Правда, наспех, мимоходом, он куда-то спешил, интересного снимка не получилось. А встречая Рубцова, я, правильная девочка, просто шарахалась в сторону. От него всегда крепко пахло спиртным, да и одет был небрежно, неопрятно. Всё это у меня и подруги Нади, тогда корректора, симпатий не вызывало. Поднимаясь наверх, мы старались быстрее прошмыгнуть к себе мимо нетрезвой компании в бильярдной, хотя с другими гостями я играла в бильярд с удовольствием и даже в этой игре преуспела.

Много лет спустя, когда узнала и полюбила поэзию Рубцова, написала о нём стихотворение-воспоминание:

*Странный парень по прозвищу «Шарфик»
Поднимался наверх в мезонин.
Эх, была бы в ту пору постарше,
Я тогда б познакомилась с ним.
Он гонял на бильярде шары,
То грустил, то смотрел веселее.
Отвлекался порой от игры,
Серый шарфик болтался на шее.
Получая скромный гонорар
За стихи в редакции газеты,
«Клюквенного» в Тотьме покупал
Или пиво с кем-то пил в буфете.
Занимал, бывало, на билет,
Чтоб доехать до своей Николы.
Полевых цветов набрав букет,
Дочку навещал, детдом и школу...
Теперь я знаю: он искал покоя
На берегах реки, среди полей.*

*Жил нелегко, с измученной душою
Прошёл свой путь нелёгкий по земле.*

«Шарфиком», иронизируя, Рубцова прозвал Евгений Евтушенко, который и в творчестве своём, и в жизни был далёк от него. Но, удивительно, другой, тоже городской поэт Станислав Куняев написал о Рубцове:

*В его натуре открывалась мне
Печаль по бесконечному раздолью,
По безнадёжно брошенной земле,
Ну, словом, всё, что мы зовём любовью.*

В те годы на редакционном уазике, а то и пешком, на попутных машинах я добиралась в дальние уголки района. Он, пожалуй, самый большой в области: от Тотьмы к архангельскому Вельску – около ста километров, в другую сторону, к костромскому Солигаличу – ещё больше. А дороги были чаще всего почти непроезжие. Мне очень нравилась романтика таких путешествий.

Однажды со своим довольно увесистым чемоданчиком (обычно там было два фотоаппарата, сменные объективы к ним и большая лампа-вспышка с тяжёлой батареей), перебравшись через Сухону на пароме, я шла из села Красное как раз в те края, где прошло детство Рубцова. Конечно, тогда об этом не думала. Был конец апреля. На Сухоне началась навигация. В колхозах – весенняя пахота, сев. Это в деревне и труд тяжёлый, и праздник. Меня, конечно, отправили фотографировать передовиков-трактористов.

И вот праздник весны в лесу: только-только распускалась первая листва, на разные голоса распевали птицы. Дорога в основном шла среди высоких елей и сосен. Ещё не просохшая после зимы, была сырая и грязная. Шагая по лужам в сапогах, я наслаждалась запахами леса, птичьим разноголосьем и своим уединением среди этой могучей пробуждающейся природы. Повсюду яркие солнечные блики. Но снимать на чёрно-белую плёнку такую сияющую весну было трудно. Для этого надо часами бродить по лесу в поисках сюжета. А у меня командировка сначала в колхоз «Сигнал». Оттуда уже как-нибудь отправят и до Никольского. Отдыхая на пеньке или поваленном дереве, пыталась излить свои восторги в стихах, но всё были смешные, торопливые и неумелые попытки.

Десятки лет прошло, а день тот весенний в памяти живёт. Живёт в памяти и тракторист, которого потом разыскала в поле. Он спал на лужайке у вспаханной борозды среди цветущих фиалок. Не очень деликатно разбудила его и даже возмутилась: «Что это вы спите среди дня? А ещё передовик!» «Да я, девушка, ночью па-

хал, ночи-то уж почти белые. Чего, думаю, домой уходить, отдохну да снова за работу». Мне бы и снять его на лужайке среди весенних цветов! Нет же, и в голову не пришло. Было задание: сделать его портрет у трактора или в кабине трактора. Повела измученного мужика позировать. Конечно, был он небритый, и как большинство трактористов, да по «деревенской моде» той поры, ещё в зимней шапке-ушанке, под которой причёска не сохранилась. Как его потом на фотографии аккуратно скальпелем «побрить», а причёску тушью нарисовать, я уже знала, на практике в «Красном Севере» ретушёр научил. Но серое, уставшее лицо, глубоко запавшие глаза не украшали снимок. Жаль, человек хороший, а моя работа на три с минусом. Всё же знала, что районку и с такой его фотографией будут долго хранить в семье, это для него заслуженная награда.

Позднее, когда жила в Ярославле, работала в областной газете и книжном издательстве, уже не было у меня таких романтических путешествий по дальним деревням да лесным непроезжим дорогам. Про ту давнюю дорогу тогда написала:

*Я помню дорогу в Николу,
Реку и начальную школу,
В которой учился поэт.
Давно, в восемнадцать лет,
Я этой дорогой шагала
От Красного до «Сигнала».
Потом на попутной машине
В Николу, Верх-Толшму спешила.
Весной по дороге в Николу
Сидела на пне у ручья.
Там сосны шумели над бором
И дятел на ёлке стучал.
Там пахло сморчками и прелью,
На солнце нагретой землёй.
Как хочется снова в апреле
Отправиться в путь мне одной –
От Красного до «Сигнала».
Но жизнь не начать сначала.*

От села Красное до колхоза «Сигнал» я прошагала семь километров. А когда стали доступны подробности биографии Николая Рубцова, узнала, что он не весной, а в холодную пору, шёл по этой размытой дождями дороге значительно дальше – 25 километров. И было ему семь лет. В начале сентября с парохода воспитатели пешком вели вновь прибывших ребят в детский дом села Никола.

Сколько дорог пройдено!

Сколько таких дорог исхожено поэтом за его недолгую жизнь! Всё было в пути: и дожди, и снег, и холод, и поиски крыши над головой. И по этой дороге много раз он пешком прошагал. Думаю, о ней стихотворение Рубцова «У размытой дороги»:

*Грустные мысли наводит порывистый ветер.
Грустно стоять одному у размытой дороги.
Кто-то в телеге по ельнику едет и едет.
Позднее время – спешат запоздалые дроги.
Плачет звезда, холодея над крышей сарая...
Вспомни, о, родина, праздник на этой дороге!
Шумной гурьбой под луной мы катались, играя,
Снег освещённый летел вороному под ноги.
Бег всё быстрее... Вот вырвались в белое поле.
В чистых снегах ледяные полынные воды.
Мчимся стрелой... Приближаемся к праздничной школе...
Славное время! Души моей лучшие годы...*

Значит и он бывал счастлив здесь. Но как печально это стихотворение заканчивается:

*Что я стою у размытой дороги и плачу?
Плачу о том, что прошли мои лучшие годы.*

Да, действительно, детский дом – его лучшие годы. Хоть голодные и холодные, но видел он тут и ласку, и заботу. А потом пошёл по жизни как неприкаянный. Наверное, потому и стал искать утешение в спиртном. Очень жаль, что большинство хороших его друзей иначе, чем за бутылкой, и не встречались с поэтом, которого, несомненно, любили, ценили, уважали. Порой говорил он кому-то: «Сколько у меня стихов пропито!» Но если бы не было скитаний по городам и весям, поисков приюта у чужого огня, пеших походов по

полям, лесам и непроезжим дорогам, многие его замечательные стихотворения не были бы написаны. И сколько стихов о дороге – по реке, по морю, по родной земле! Об этом – коротенький экспромт Рубцова:

*Я уплыву на пароходе,
Потом поеду на подводе,
Потом ещё на чём-то вроде...*

В письме ленинградскому поэту Глебу Горбовскому Николай Михайлович писал: «Сижу сейчас, закутавшись в пальто и спрятав ноги в огромные старые рваные валенки, в одной из самых старых и самых почерневших избышек селения Никольского». Изба эта его гражданской жены Генриетты Меньшиковой, с которой они сыграли свадьбу в 1963 году.

В начале семидесятых не раз я бывала в селе Никольском, но Рубцова там не видала. С Генриеттой встречалась, она тогда заведовала сельским клубом. Обычно командировочных направляли на ночлег в комнату для приезжих при сельсовете, где хозяйничала добрая и приветливая женщина Александра Александровна – мать Генриетты. Тётя Шура работала там истопником. Их старенькая почерневшая изба уже почти развалилась, семья жила в небольшой комнатке при сельсовете. Как-то оказалась я в Николу первого сентября. Лену Рубцову, тогда первоклассницу, собирали в школу. Запечатлела её в белом фартуке, несколько снимков им отправила, а у себя не сохранила. И неожиданно, совсем недавно прислала мне этот снимок подруга детства Елены Николаевны Рубцовой – библиотечкарь из Тотмы Ольга Викторовна Трифанова.

*Лена Рубцова –
первоклассница.*

Путешествуя по району в конце шестидесятых – начале семидесятых годов, я забиралась в такие глухие углы, где впервые видели человека с фотоаппаратом. И, конечно, все мечтали иметь снимок на память. Многих детей, чьи-то семьи тогда фотографировала (не за деньги, которых там немного водилось) и посылала снимки. У Лены Рубцовой детских фотографий тоже осталось немного.

Вечерами, когда Гета уходила в клуб, я, бывало, пила чай с её матерью. Рубцов уже стал известным поэтом. Но тётя Шура, как все её называли, не раз вспоминала «непутёвого зятя», от которого не было никакого проку в их хозяйстве: «Когда приедёт, куда уйдёт, надолго ли – не знаем, не ведаем. Бродит, бродит где-то по лесам,

пьёт с кем-то. Хорошо, хоть когда-то грибов да клюквы принесёт. А то сидит ночами с бумажками своими, керосин жгёт (именно жгёт и до сих пор так говорят в деревне)»... Электрический свет в колхозах обычно отключали в одиннадцать часов вечера.

А Елена Николаевна Рубцова, вспоминая те трудные годы, рассказывала:

– У мамы была зарплата 35 рублей, у бабушки и того меньше. Жили мы очень бедно. Но как-то бабушка Шура мне сказала: «Отец-то, знаешь, что говорит: «У меня денег нет, а у Ленки всегда будут».

Жаль, не находил поэт понимания в этой семье. Да как же ему не ходить, не бродить по лесам, полям и селеньям! Как же не выпить с деревенским мужичком, который на пьяную голову душу раскроет нараспашку! Это было познание мира и людей.

Таким путешественником и вижу его: с небольшим чемоданчиком, в шарфике и потрёпанном пальто идёт по тотемской улице с теплохода в редакцию. Таким он стоит сейчас на Советском проспекте в Вологде. Лет двадцать назад, когда установили памятник, я услышала здесь забавный разговор двух неосведомлённых подростков:

– Смотри, памятник-то поставили бомжу.

– Точно!

Да, «бомжевал» поэт, как теперь говорят, много лет, квартиру получил года за два до гибели и не успел в ней как следует устроиться.

Никола, светлая память детства, звала к себе отовсюду, но, погостив у Геты с дочкой, он опять торопился в путь. Вот строки из стихотворения, тогда написанного:

*Мы с тобою как разные птицы!
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу...
Но однажды я вспомню про клюкву,
Про любовь твою в сером краю
И пошлю вам чудесную куклу,
Как последнюю сказку свою.*

У Лены это была любимая кукла, с которой она почти не расставалась. А Николай Рубцов встретил другую женщину – поэтессу, которая понимала его чувства и устремления, но не принимала необузданной ревности да пьяных разгулов. Не Гету, а Людмилу уже называл он своей невестой, иногда и женой... Чем закончилась его последняя любовь – всем известно.

В день, когда поэта не стало, я была в Вологде. В редакции об-

ластной газеты «Красный Север» стояло много венков. Зашла в сельхозотдел, куда изредка посылала свои заметки и фоторепортажи. Там грустный, задумчивый и не очень трезвый корреспондент по фамилии Задумкин стал рассказывать, что в последний вечер Рубцова сидел у него с друзьями, как водится, выпивали. Явилась Людмила и разогнала всю компанию. Он говорил со слезами в голосе: «И чего я ушёл? Остался бы, может, Коля был бы жив»...

Помню, в конце февраля 1971 года в редакцию «Ленинского знамени» зашла Генриетта Меньшикова и сообщила, что Тотемский районный суд принял решение: по закону признать её вдовой Н.М. Рубцова, а Лену – его дочь. С тех пор девочка стала носить фамилию отца и получать гонорары за его издававшиеся книги. Так вот поэт отблагодарил своих близких, когда ушёл в мир иной. Елена Николаевна говорит, что и при жизни он посылал им в Николу деньги и посылки.

Елена Рубцова после окончания Ленинградского издательско-полиграфического техникума получила направление на работу в Лениздат, где стала оператором фотонабора. Как-то увидела, что рядом сотрудницы набирают сборник Николая Рубцова «Посвящение другу» и сказала: «Это книга моего папы». Но все посмеялись: «Не может быть». А вскоре узнали, что она действительно дочь поэта.

О судьбе Елены Николаевны немало писали. Напомню только, что у поэта сейчас живут в Петербурге три внуки: старшая Алина замужем, у неё сын-первоклассник, Аня и Маша – студентки. Елена Николаевна работала в Лениздате до его закрытия в 1994 году. Сейчас заведует библиотекой в одной из петербургских школ. Дочка Рубцова не порывает связь с земляками, часто навещает родную Николу и друзей детства.

Николаю Михайловичу, видно, было уготовано судьбой: идти, идти дорогами России и «жить в своём народе», писать о нём и для него.

Земля тотемская многим дарит творческое вдохновение. В городе живёт немало поэтов. Есть действительно талантливые. Замечательно проводят творческие встречи работники Тотемской библиотеки, которая носит имя поэта-земляка. Члены творческого объединения «Объектив» здесь тоже всегда желанные гости. И когда бы мы ни приехали в Тотьму, обязательно идём к памятнику Рубцову. Как-то после такой встречи я написала стихотворение, посвящённое поэтам-тотьмичам.

НАСЛЕДНИКАМ РУБЦОВА

*Здесь столько лир повешено на ветки,
Но и моей как будто место есть.*
А. АХМАТОВА о Царском Селе.

И в городке моём – спокойном, тихом
Поэтов тоже много. Все творят.
На ветках тополя, берёзы, облепихи
Здесь тоже лиры многие висят.
Рубцов сидит на каменной скамье,
Подвинулся на край её недаром.
Здесь в новой поэтической семье
Хороших голосов немало.
Наверное, на этих берегах
Какая-то особая стихия.
О том немало сказано в стихах.
И снова здесь пишу стихи я.
Не так уж знаменит наш городок,
Хотя его история богата.
И от столицы всё-таки далёк,
От Царского Села далековато.
Но в Тотьму, к Сухоне, к Рубцову,
К наследникам поэзии его
Стремятся люди, чтоб услышать слово,
И верят в здешней музы торжество.

Годы идут, а увлечение рубцовскими стихами неизменно. Читаю их, перечитываю. Узнаю своё, родное. Думаю, как многим читателям, порой кажется, что пишет он и про меня. Так близки его мысли, чувства, стремления. Читая Рубцова, то порадуюсь, то погрущу, поплачу. Нелёгкой была его судьба, но столько жизнеутверждающих мотивов в его поэзии! Пожалуй, всё лучшее, самые счастливые дни, часы, мгновенья он пережил в единении с природой. Хочется вслед за Рубцовым повторять:

*И всё ж прекрасен образ мира,
Когда в ночи равнинных мест
Вдруг вспыхнут все огни эфира,
И льётся в душу свет небес...*

*Фотографии Иды СМОЛЕНЦЕВОЙ,
Валерия ТАЛАШОВА, Наталии ТРОФИМОВОЙ.*

В последние годы я написала немало стихотворений с эпиграфами Николая Рубцова. Это как бы разговор с поэтом, который в своё время не состоялся. Публикую здесь некоторые из них.

ГОРЯТ ОГНИ

*Спасибо, скромный русский огонёк,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далёк...*

Н. РУБЦОВ.

Горят огни над Родиной моей,
Над нивами печальными России.
Вдаль пролетела стая журавлей
И где-то высоко в небесной сини
Пропала. Но тревожный птичий крик
На сердце лёг, напомнив мне о многом.
Дорога вдоль реки. Идёт старик –
Согбенный, с палкой. Русские дороги
Не понаслышке знаю. Помню, как брела
Через колдобины и грязь, и лужи.
Звал огонёк далёкого села
И согревал среди осенней стужи.

Далёкий огонёк мерцал в ночи,
Когда мы затемно к селенью подъезжали.
Картошку доставала из печи
Хозяйка. Спрашивала: «Поди, устали?»,
Звала к столу нас – дорогих гостей,
Нагрывавших нежданно и случайно.
И, в самовар подбрасывая углей,
Всех угощала ароматным чаем,
Впитавшим силу трав и память луга.

Куда-то звали звёзды в дальней сини.
Хотелось, как Рубцову, с добрым другом
Идти, идти дорогами России,
Узнать, понять загадочную Русь.
Влекут не города большие,

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека¹
им. И. В. Бабушкина

Лесов осенних благодать и грусть.
Зовёт далёкий колокольный звон,
Храм на холме, ель над родной могилой
И огонёк, горящий у икон, –
Всё, что душе так дорого и мило!
Вновь в путь ведёт далёкий огонёк –
Свет очага или звезды небесной.
Немало уж исхожено дорог.
Иду, иду, пока я не исчезну.

РУБЦОВСКИЙ ХОЛМ

Взбегу на холм и упаду в траву...
Н. РУБЦОВ.

Над речкой холм. Не скошена трава.
Внизу мой городок, как на ладони.
И этот холм, о том идёт молва,
Рубцова непременно должен помнить.

Колосья ржи созревшей шелестят.
И васильки головками кивают.
Глаза закрою, вновь вернусь назад,
Когда жила легко, не унывая.
Вот к этой речке удить пескарей
Бежала с беззаботною оравой
Таких же вольных, как и я, детей,
А в этом поле собирала травы.
На плотике мы плыли по реке,
Вода под нами светлая струилась.
И грелись раки на речном песке,
И ласточки весёлые кружились...

Рубцовский холм. Высокая трава,
Ромашки, васильки. Ржаное поле.
Тропинка в монастырь. Идёт молва,
Что он сейчас всё это тоже помнит.

В МИНУТЫ МУЗЫКИ

*В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чём...
Н. РУБЦОВ.*

В минуты музыки печальной
Душа, как музыка, светла.
Внизу журчит родник хрустальный
И слышен тихий скрип весла.

Палатка – мой приют надёжный,
Поёт гитара у костра.
Иду по лесу осторожно –
Настала музыки пора.

Всё тихо, не кричит сорока
И даже дятел не стучит.
Но всё же слышу: издалёка
Другая музыка звучит.

С небес спускается на землю –
Нежна, печальна и светла.
Наверно, целый мир объёмлет,
Раскинув лёгкие крыла.

Пронизанные солнцем ели
И сосен красные стволы
Своим теплом меня согрели
И в мир чудесный увели.

В том мире нет земной печали,
Обид, предательства и слёз.
Я над рекою, глядя в дали,
Одна стою среди берёз.

ЗАБЫТАЯ ЗЕМЛЯ

*Сколько было здесь чудес,
На земле святой и древней,
Помнит только тёмный лес!
Он сегодня что-то дремлет.
Н. РУБЦОВ.*

Дремлет лес. И прибрежные ивы
Шелестят над бегущей водой.
Чья-то лодка гниёт сиротливо.
Вот ворона над чёрной избой.

Долго кружит она над деревней.
Всё кричит, всё кого-то зовёт.
На земле этой доброй и древней
Почему-то никто не живёт.

Лебеда да бурьян в огородах,
И к земле наклонились дома.
Не плывут по реке пароходы.
По утрам вновь гуляет туман.

Кто вернётся сюда, кто приедет
В край, где давние годы прошли?
Навещают деревню медведи,
И дороги сюда заросли.

Рядом старый погост возле рощи,
Был когда-то кладбищенский храм,
Холм теперь там, травкою поросший.
Что-то шепчут берёзы ветрам.

Год за годом деревни России
Уплывают в тумане времён.
Те, кого они грели, растили,
Далеко и забыли свой дом.

ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ

*За нами шум и пыльные хвосты –
Всё улеглось! Одно осталось ясно –
Что мир устроен грозно и прекрасно,
Что легче там, где поле и цветы.*
Н. РУБЦОВ.

Всё позади – шум города и пыль дорог.
Всё улеглось – в природе, на душе.
И дождь прошёл, и грозы отгремели.
Под небом ясным – поле и цветы.
Вдали стоят два древних храма.
И облака плывут неторопливо
Над этим светлым добрым миром.
И отовсюду слышно птиц многоголосье.
Они, наверно, громко воспевают
Прекрасный мир, день тёплый, поле и цветы,
И всё, что видят с высоты полёта.

ТОТЬМА

*До слёз теперь любимые места!
Н. РУБЦОВ.*

Есть город, который я вижу во сне,
Где ярко пылают закаты,
Где утром поют соловьи в тишине,
Река уплывает куда-то.
А утром туманы над быстрой водой –
Как память и светлые грёзы.
И слышится голос – далёкий, родной –
Мне в шёпоте старой берёзы.
Как жаль, что давно обмелела река
И близкие люди уходят.
Туманы плывут и плывут облака
Под звон колокольных мелодий.
Повсюду красивые есть города,
А этот мне близок и дорог.
Я в детство опять возвращаюсь туда –
К холмам и широким просторам.

ЧУДНЫЙ МЕСЯЦ

*«Чудный месяц плывёт над рекою», –
Где-то голос поёт молодой.
И над родиной, полной покоя,
Опускается сон золотой!*

Н. РУБЦОВ.

Над рекой чудный месяц сияет
И купается в синей воде.
Тихий вечер. Никто не гуляет.
Бродят странные тени везде.
Всё: дорога, река и поля,
И берёзки, прибрежные ивы –
Дорогая родная земля –
Засыпают. Вновь вечер счастливый.
Старой песней полна тишина.
У реки среди ночной красоты
Лечат душу мою золотая луна
И теченье спокойной воды.

ГРУСТЬ

*Грусть, конечно, была. Да не эта,..
Николай РУБЦОВ о Сергее ЕСЕНИНЕ.*

Грусть, конечно, была. Да не эта –
Не кабацкая пьяная грусть.
Вновь печальным пылающим светом
Разгорался калиновый куст.

Над полями, над старыми избами,
Как пожар, полыхала заря.
Грусть – удел и награда для избранных,
Кто явился на землю не зря.

«Грусть, конечно, была. Да не эта», –
Так сказал о поэте поэт.
Сам, бывало, всю ночь до рассвета
Пил, искал свой счастливый сюжет.

Александр ДОБРЫНИН,
доктор биологических наук,
поэт, писатель, автор 15 литературных изданий,
многих публикаций в альманахах ТО «Объектив».

МИСТИКА

По воспоминаниям современников в последние годы жизни поэта Николая Рубцова (1936-1971) с ним происходили многочисленные неприятности, связанные с застольями, приводом в милицию (В. Белков), появлением в нетрезвом состоянии в горкоме партии, чтобы «примирить две идеологии: учение Христа и Ленина» (В. Астафьев).

Как писал Виктор Коротаяев, чувствовалось приближение какой-то трагической развязки в жизни Рубцова. У Коротаяева даже появились пророческие строки:

*Потеряем скоро человека,
В этот мир забредшего шутя.
У законодательного века
Вечно незаконное дитя.
Тридцать с лишним лет как из пелёнок,
Он помимо прочего всего
Лыс, как пятимесячный ребёнок,
Прост, как погремушечка его...*

– Раскаркался, – упрекал себя Коротаяев.

В это время Рубцов написал, в частности, стихотворения «Судьба», «Я умру в крещенские морозы...», подготовил рецензию на рукопись стихов... да, да Л. Дербиной, в которой отметил и такие грозные строки:

*...Когда-нибудь в пылу азарта
Взовьюсь я ведьмой из трубы
И перепутаю все карты
Твоей блистательной судьбы!..*

Мистика какая-то!

КАКОЙ МОГЛА БЫ БЫТЬ МОЯ ВСТРЕЧА С РУБЦОВЫМ

Не привелось мне встретиться с Рубцовым:
Нас время своевольно развело,
Соединив, возможно, только словом
Стихотворений, дарящих тепло.

Я даже не могу себе представить,
Какой могла бы наша встреча быть,
Но мы бы, несомненно, наверстали
Пробел общенья и, нащупав нить
Взаимных интересов, обсудили
Проблемы мировых литератур
На эсперанто, хинди¹, суахили²
И множества народов и культур.

И вот тогда, всю раскрывши души,
Мы с ним поговорили бы о том,
Как просто в жизни что-нибудь разрушить
И как непросто выстроить потом.

---

¹ Хинди – язык народов северной и центральной Индии.

² Суахили – один из наиболее распространенных языков Африки.

Тамара КОЗЛОВА,
журналист, редактор,
публиковалась в альманахах ТО «Объектив».

«ПОВЕРЬТЕ МНЕ: Я ЧИСТ ДУШОЮ...»

Передо мной две любовно выпущенные вологжанами книги: «Воспоминания о Рубцове» (1983 г.) и «Николай Рубцов. Стихотворения» (1985 г., серия «Русский Север»). Снова перелистываю их. Знала его самого, многих из тех, кто его вспоминает. Особенно выделяю для себя воспоминания Виктора Коротаева, Александра Романова, Василия Оботурова, Сергея Багрова. Так помню их прямооту, честность, что знаю – в этих строках ни полслова прикрас или наговора. А их хватало и при жизни Рубцова, и после. Да, сколько раз и нам с мужем (В.А. Козлов, в последние годы жизни, собственный корреспондент «Известий» по Ярославской и Костромской областям) в разных городах и краях приходилось останавливать не в меру «знающего» околелитературного человека:

– Простите, но мы жили в те годы в Вологде, знали Рубцова...

1965 год. Две зимы проработала в маленькой сельской школе на северо-востоке Вологодчины. В первый год село еще даже не было радиофицировано. До железной дороги километров 300 с гаком. Когда на сцене клуба читала «Побывальщину» Сергея Орлова: «К нам дороги ягою мерены лет полсотни назад клюкой, и клюка её здесь потеряна, в тёмном лесе за Юг-рекой», – слушатели смеялись до слёз: «Точно! Про нас: бывал что ли?» Сейчас вспоминаю как добрую сказку и ту реку, и леса, и, конечно, людей. Везде ли на Руси встретит так приехавшую девчонку-учительницу старушка-уборщица: «Ой, анделье (ангел – Т.К.) ты нашо, не измерзла?» Уехала не от них – не почувствовала в себе педагогического дара.

И вот по счастью, по сумасшедшему везению – «Вологодский комсомолец». Пока всего учётчик писем, но письма – час-два в день, а дальше:

– Ты же мне черновик принесла! Нет, голубушка, садись и переписывай!

«Черновик» переписан уже трижды, но сажусь: и что ему ещё нужно?! День, второй:

– Ну вот, ведь можешь, когда захочешь. Ребята, Томка ж хороший материал написала!

Как ребёнку, начинающему ходить, – пока только помощь и доброта. Сколько её было в этих ребятах! А сколько читали! И не боялись дать другому запрещённые тогда книги Пастернака, Цветаевой.

Рядом, в этом же коридоре, писательская организация. Заходя «к себе», не минуют писатели и наши кабинеты. Василий Белов больше слушает наши споры, усмехаясь в русую бороду. Александр Романов горячо, торопливо доказывает что-то. Вернулся из армии, из Заполярья, непривычно бритый, со смешной «плюшевой» головой Виктор Коротаяев: его я знаю ещё по институту.

Редактором газеты был Леонид Фролов, позднее директор издательства «Современник». Молодёжная газета, молодой редактор, дружный, сильный коллектив, что-то искали, стремились к встречам с читателями. Организовали клуб молодёжных встреч. Одна из них – с молодыми поэтами. И среди них – Николай Рубцов.

Встал где-то среди сидящих с краю, не проходя к сцене, тихий, незаметный, негромко начал читать. Сначала не очень и вслушалась, и вдруг:

*Мне лошадь встретилась в кустах,
И вздрогнул я,
А было поздно...*

Детство, густой вечерний туман на лугу и тоже, из него, лошадь:
*Мы были разных два лица,
Хотя имели по два глаза.
Мы жутко так, не до конца,
Переглянулись по два раза.*

Слушаю, смотрю. Вроде усталый какой-то, в шарфике – с дороги? А стихи – говорили же ребята – и вправду хороши. Но встаёт уже кто-то другой, читает громко, не раз перепетое, и удивление забывается, уходит. Только на другой день вдруг вздыхает Лариса Малаева, крымчанка, совсем недавно приехавшая в Вологду после МГУ, не побывавшая ещё в нашей глубинке, не видевшая северной избы, горницы:

– Нет, как это у него: «В горнице моей светло. Это от ночной звезды. Матушка возьмёт ведро, молча принесёт воды...» Просто плакать хочется! Почитать бы где...

Ну, меня, можно сказать, «родной» лошадью взяло, горница

опять же, а её? Да, почитать бы. Но и крошечная, 0,88 учётно-издательского листа, «Лирика» только ещё печаталась в областной типографии. Начали листать родную газету да «Красный Север». А вот его самого, когда появлялся в редакции (потом и работал литконсультантом), попросить почитать новое, почему-то не могли. Как будто чего-то боялись нарушить, вспугнуть за этим высоким лбом. Я не помню его в редакции шумным, резким. Вот и Василий Оботуров, бывший редактором «Вологодского комсомольца» после Леонида Фролова, пишет: «Говорили о его вспыльчивости и нетерпимости – и во многом напрасно. Мне довелось не раз видеть его возмущение, и не помню, чтобы он был не прав. Хамского пренебрежения Николай действительно не терпел. Чем он вызывал раздражение людей определённого сорта, трудно сказать – то ли какой-то особой внутренней сосредоточенностью, то ли цепкостью быстрого взгляда, который был «не как у всех»... А между тем выглядел он скорее незаметно, чем вызывающе. Навязчивости в Рубцове не было никакой, пьяным почти за три года не довелось его видеть ни разу, и потому многое в рассказах о нём представляется досужим вымыслом».

Для меня тогда были удивительно светлые годы: счастливая работа, счастливое замужество, рождение сына – так много счастья! И уже в других городах поняла, как счастьем нашему бережно и незаметно помогали люди вокруг. «За всё добро расплатимся добром». Через города и годы кланяюсь тебе, славный город Вологда, твоему доброму свету.

Как могла, хранила Вологда и Рубцова. Не уберегла. Прилетела чужая злая птица, ударила чёрным крылом... Наши добрые, участливые машинистки, перепечатававшие по просьбе Коли её стихи, всё вспоминали потом такую строку: «Я – не женщина, я – волчица!» Нет, не хочу о ней!..

«Никогда он не жаловался, стеснялся признаться в своей необеспеченности и неустроенности. Если ему нужно было занять червонец-другой на прожитие, он мучился и не знал, как произнести это вслух...», – вспоминал Виктор Коротаяев. Да, так. Мой муж Виктор Козлов некоторое время работал в отделе культуры «Красного Севера», к нему приходил Николай со своими стихами. Молча смотрел, что отбирает, спрашивал, когда может пойти, иногда тихо ронял: «Не найдёшь немного до гонорара?..» Виктор тоже так и не научился жаловаться до смертного часа и вряд ли рассказывал Коле о своём голодном детстве, полуголодном сту-

денчестве. Просто, наверное, чувствовали это друг в друге. И Витя без вопросов выкладывал, что было в кошельке. Чаще всего как раз немного, 3-5 рублей: молодая семья!

– Мне почему-то всегда сразу вспоминались «Фиалки»: «Надо хлеба мне, хлеба!» И ни разу не пришло в голову, что это, может, на бутылку, – говорил потом он.

Отдать долг Коля всегда спешил, хоть из малого. Встречаемся раз, улыбается радостно, руку сразу в карман:

– Ребята, я ж вам трёшник должен, а у меня пятёрка есть...

Мы переглянулись, и я беззаботно махнула рукой:

– Коль, давай как-нибудь потом: не разойдёмся. У нас тоже только пятёрки.

Отошли, муж коснулся губами моей щеки:

– Молодец, поняла: нельзя человеку от последней пятёрки два рубля оставлять. Когда ещё гонорар-то!

Может, потому, что коллектив у нас в редакции был больше мужской, в суды-пересуды о личной жизни не вдавались, но знала, что есть у Коли дочь, очень её любит, кукла подарена не только в стихах. Когда получил жильё, чуть поудивлялись, почему не заберёт семью к себе. А вскоре, возвращаясь с сыном из яселек, встретила его на осенней улице. Он подхватил Димку на руки, сделал шага два в сторону:

– Вот унесу тебя от мамы...

Но наше, как смеялись друзья, «дитя двух редакций», только весело заулыбалось: какая-то новая игра. Коля взгляделся:

– Да какой мужик-то у тебя хороший: людей не боится!

Шагнул назад, не опустил на землю, а бережно передал мне сына и как-то с доброй грустью, болью даже:

– Ну, идите. Козлов-то небось ждёт.

Через десяток-другой шагов я оглянулась: он стоял и смотрел нам вслед. Куда шёл? От кого? Так ли просто уладить жизнь, как видится со стороны?

Время неумолимо. Нет уже и умных, талантливых Геты и Коли Бурмагиных, выпускников Ярославского художественного училища, художников-оформителей «Избранной лирики» Рубцова, не раз переиздававшейся, и сборников многих вологодских поэтов. Порою кажется, что судьба несправедлива, вырывает до срока именно лучших. В парк Мира ведёт теперь улица Бурмагиных.

Из тихого Заречья выходит к реке Вологде и смотрит на величественную Софию улица Николая Рубцова (на снимке). Выходят

его сборники. И скольким ещё поколениям всколыхнет душу голос поэта:

*Я так люблю осенний лес,
Над ним сияние небес,
Что я хотел бы превратиться
Или в багряный тихий лист,
Иль в дождевой весёлый свист,
Но, превратившись, возродиться.
И возвратиться в отчий дом,
Чтобы однажды в доме том
Перед дорожкой большою
Сказать:*

– Я был в лесу листом!

Сказать:

– Я был в лесу дождём!

Поверьте мне:

Я чист душою...

Эти воспоминания я написа-

ла в 1986 году в Ярославле, где живу и по сей день, по просьбе поэта, тогда редактора областной молодёжной газеты «Юность» Евгения Чеканова. Через несколько лет он скажет мне, что рекомендует на место редактора моего сына 23-летнего Дмитрия Козлова. Я протестовала: «Рано!» Полушутя, полувсерьёз Чеканов парировал: «Но его же сам Рубцов на руках держал и сказал, что мужик хороший!»

В Вологде последний раз была лет семь назад. Город очень изменился, но горько было видеть, как постарели дома, в которых мы когда-то жили. Вспоминались тихие, заросшие травой переулочки, цветы у кремлёвской стены.

А на родине своей в старинном (более 500 лет) селе Мякса бываю каждое лето. Кланяюсь могилам бабушки, родителей, старших сестёр, учителей... Никогда не завидовала тем, чьё детство прошло в городах. Когда работала в Верхне-Волжском книжном издательстве, одна нравная дама, любившая давать всем нелестную оценку, добралась и до меня: «Вологодская баба!» Я смеялась: «Спасибо! Это очень высокое звание!»

*На фото: улица Рубцова в Вологде.
Фотография Натальи КУЗНЕЦОВОЙ.*

Татьяна СЕМЬЯНИХИНА,
врач-нейрохирург, фотохудожник,
автор интересных рассказов и эссе,
публиковалась в альманахах ТО «Объектив».

РУБЦОВ О РУССКОМ ЛЕСЕ

Я не умею писать стихи, не понимаю, как это делается, хотя, не скрою, были попытки что-нибудь сочинить. Когда читаю чьи-то стихи, всегда поражаюсь: как удаётся так расставить слова, что буквально в нескольких строках умещается много смысла. Несколько строк – и целое полотно, в котором отражаются и время года, и погода, и настроение, и мысли.

Я выросла в маленьком городке, окружённом лесами. С детства ходили в лес с мамой, бабушкой за грибами, за ягодами. Бывает, и нечего положить в корзину, всё равно с удовольствием брожу по мхам среди деревьев, здесь что-то меня завораживает, успокаивает, приводит в порядок мысли. Возможно, говорю об этом скучно, обыденно. А вот у Николая Михайловича Рубцова всё ярко, образно, восторженно:

*В лесу,
под соснами,
На светлых вырубках
Все мысли слёзные
Сто раз я выругал.
А ну, поближе-ка
иди к сосне!
Ах, сколько рыжиков!
Ну как во сне...*

А дальше:

*Я счастлив, родина, –
Грибов не счесть...
Но есть смородина,
малина есть.*

Это всё об обилии лесного урожая, о радости настоящего гриб-

ника. Кого не переполняли такие чувства, когда попадал человек на грибное или ягодное место? Но не каждый найдёт такие простые слова и сможет их соединить в рифму. А дальше о щедрости леса:

*И сыплет листья лес,
Как деньги медные, –
Спасибо, край чудес!
Но мы не бедные...*

Разве не прелесть!? Я думаю, что это о берёзовом леске. У берёз листья мелкие, в листопад действительно «сыплются» и похожи на медные деньги. Лес одарил грибами, ягодами, а хотел бы ещё и деньгами.

А вот одно из моих любимых стихотворений Рубцова, тоже о лесе:

*Доволен я буквально всем!
На животе лежу и ем
Бруснику, спелую бруснику!
Пугаю ящериц на пне,
Потом валяюсь на спине,
Внимая жалобному крику
Болотной птицы...*

Представляю, как поэт лежит на спине, смотрит в небо:

*Надо мной
Между берёзой и сосной
В своей печали бесконечной
Плывут, как мысли, облака,
Внизу волнуется река,
Как чувство радости
беспечной...*

Нет, не умею я писать стихи.

Ну и пусть. Зато люблю и понимаю поэзию. Слава Богу, что есть таланты, которые украшают нашу жизнь, открывают глаза на многие вещи, будят мысли и чувства! Спасибо им за это!

Фотографии автора и Петра ПЕТРОВА.

ДОБРЫЙ ФИЛЯ

*Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной
Добрый Филя живёт.*

Н. РУБЦОВ.

Я очень люблю творчество Н.М. Рубцова, знаю наизусть многие его стихи. Из всего наследия поэта очень близко мне стихотворение про доброго Филю. Оно небольшое, даже короткое. Ничего в нём не говорится о возрасте Филя, о его внешности. Характеристики места, где живёт Филя, чем занимается – тоже краткие. Но возникает ощущение покоя, умиротворения, счастья, удивления, что так бывает.

Когда читаю стихи про доброго Филю, как живого вижу своего деда Ивана Григорьевича, с небольшой округлой седоватой бородой, неторопливого, немногословного. Они с бабушкой остались в деревне одни и никак не хотели оттуда уезжать, пока были в силах. Односельчане разъехались кто куда, дороги стали зарастать. Корова с телёнком, овцы, куры паслись прямо в деревне. Около дома – огородик. И тишина.

Летом бывало достаточно многолюдно: рыбаки, косцы, и мы – внучата. Зимой народу значительно меньше. Вывозили сено на тракторе. Это делали только зимой, так как нормальных дорог не было. Иногда мама с братом проводывали их на лыжах. Старики всегда радовались гостям. Самовар, беседа за чаем неспешная, новости в мире. Газетам были рады. Они сначала прочитывались, а потом использовались на самокрутки.

Дверь в избу не запиралась. Если никого нет дома – ушли в лес, на рыбалку, на сенокос, – её подпирали палочкой, чтобы случайно не открылась. Можно было зайти в дом, поставить самовар и ждать хозяев.

Так и Филя, тоже живёт в лесном хуторке, который Рубцову запомнился «как диво», в деревянной избе без удобств, живёт своим трудом, «без претензий и льгот», в гармонии с собой, со своей совестью, с природой и людьми. А это и есть счастье.

В 2005 году администрация города Вологды проводила Всероссийский конкурс детского рисунка «Пусть душа останется чиста...», посвящённый памяти Н.М. Рубцова (70-летию со дня рождения). Я была приятно удивлена, когда моя дочь Светлана выбрала для иллюстрации это стихотворение. А у кого ещё душа так же чиста, как у Филя?

Добрый Филя.

Рисунок Светланы МУХАЧЁВОЙ.

МЕСТНЫЙ ФИЛЯ

Вот и Душнево маячит...
Церковь. Поворот крутой.
Впереди мужик шагает.
«Колька, здравствуй!
Ты живой?
Что за новости в деревне?
Дай с тобою постою.
Котик жив? А как соседи? –
Сто вопросов задаю. –
Ну привет тебе огромный!
Рада, зиму пережил!»
Колька улыбнулся скромно,
Тихо денег попросил.
Куртку запахнул плотнее,
Всё ж не тёплое пальто,
Потоптался, оглянулся
И направился к сельпо.

Татьяна ЛИВЕНЦЕВА.

Фотография Светланы КОРЯКИНОЙ.

Члены творческого объединения "Объектив"
у памятника Николаю Рубцову в Тотьме. Октябрь 2011 г.

Тотьма. Золотая осень на Сухоне.
Фотографии Николая КАРАНДАШЕВА и Никиты ИВАНОВА.

ПАМЯТНИК

Памятник поставили Рубцову
В сквере возле Вологды-реки.
Здесь не раз его звучало слово,
Он друзьям читал свои стихи.
В "Поплавке" распив бутылку водки,
Шёл вечерним городом домой
И пугал нетвёрдою походкой
Девушек, гулявших над рекой.
Вновь поэт Муза провожала
И ему дарила вдохновенье.
В ресторане на речном вокзале
Он уж сочинял стихотворенье.
Шёл поэт в тот вечер отрешённый
От забот, хлопот и дел земных.
В этот город, в этот мир влюблённый,
Он в стихах хотел прославить их.
Вологда спала под лунным светом,
Мотыльки кружили над рекой.
Очень нелегко жилось поэту –
Всё на сердце грусть да непокой.
Каменный, он смотрит на причал.
Старый "Поплавок" уплыл куда-то,
И совсем не тот речной вокзал.
Но прекрасны над рекой закаты.

Наталья ТРОФИМОВА.

Фотографии Натальи КУЗНЕЦОВОЙ и Алексея ПАЛЫСАЕВА.

*О, сельские виды!
О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел,
Под куполом синих небес!
Н. РУБЦОВ.*

Фотографии Александра ШВАРЁВА и Валерия ТАЛАШОВА.

*Светлеет грусть,
Когда цветут цветы,
Когда брожу я
Многоцветным лугом.
Н. РУБЦОВ.*

Фотографии Натальи ТРОФИМОВОЙ и Светланы КОРЯКИНОЙ.

*О, эти русские
Распутья вечные!
Взгляну на ворона –
И в тот же миг
Пойду не в сторону,
а напрямик.
Н. РУБЦОВ.*

Фотографии Валерия ТАЛАШОВА и Елены БЕЛОЗОРОВОЙ.

МЕРЦАЕТ РОСА

*И откуда берётся такое,
Что на ветках мерцает роса,
И над родиной, полной покоя,
Так светлы по ночам небеса.*

Николай РУБЦОВ.

Рассвет. Туман. Трудяги-пауки,
Наверное, всю ночь не спали.
И лес, и сад сетями оплели.
То кисея, то блеск хрустальный.
На елях, соснах и среди цветов
Такая красота, такое чудо:
Как будто ожерелья жемчугов,
Роса, мерцая, светится повсюду.
Но вот уж выплывают берега
Из-за туманной призрачной завесы.
На небе показались облака
И солнце поднимается над лесом.
Недолго эта сказка длится,
Растают жемчуга при свете дня,
Роса мгновенно испарится.
Ну, а пока здесь праздник для меня.

Наталья ТРОФИМОВА.

Фотографии Натальи ТРОФИМОВОЙ и Николая КАРАНДАШЕВА.

На Кульсеевской горе

Фотографии Алексея ПАЛЫСАЕВА.

Наталья ТРАПЕЗНИКОВА,
*эколог, фотохудожник,
автор публикаций в альманахах ТО «Объектив».*

СОСТОЯНИЕ ДУХА

В 120 километрах от Вологды в Сокольском районе есть село Биряково, места, связанные с событиями из жизни Николая Рубцова.

По приглашению гостеприимных жителей мы с друзьями отправились в фотопоездку для знакомства с загадочной рекой Стрелицей, природой и бытом этого края. Осенняя дорога, золотые леса, серебристый дождь сквозь косматые солнечные облака.

На одном дыхании пролетели эти два незабываемых дня. Прогулки по холмам, по извилистым тропам вдоль Стрелицы, среди темнеющих осин, ярко-изумрудных елей, горящих рябин. Захватывающий вид с Кульсеевской горы на бескрайние просторы лесов, деревни, белеющий на берегу реки каменный храм. Родные пейзажи словно иллюстрации к стихам Николая Рубцова.

Вечером в уютном гостевом доме у жарко натопленной печи чаепитие и стихи поэта, ожившие наяву. Вот всадник на коне промчался полем, дорога к храму Спас на Стрелице, вросшая в землю изба с дымящейся трубой и старушкой, сидящей на завалинке – рождение этих строк происходит удивительным образом во времени и в пространстве.

Читаем по очереди стихи про осень, сельские пейзажи, узнаём людей и их переживания. Ещё не так поздно, может, удастся сфотографировать звёзды? Они вдали от городов дарят красоту со всей силой и яркостью.

Выхожу из уютного дома – и сразу эмоции перехватили горло. Сначала мелькнула мысль, что я полностью потерялась в пространстве. Чернота, бездна, оглушающая тишина, передающая энергию огромного пространства вокруг.

Быстрее нужно позвать гостей из тёплого и светлого дома и показать такой контраст. Куда ни взглядывайся – вокруг пустота, словно с космического корабля мы ступили в открытую галактику, в невесомость. Ожили строчки поэта из стихотворения «Листья осенние»:

*Ночью, как встарь,
Не слышать говорливой гармошки,
Словно, как в космосе,
Глухо в раскрытом окошке,
Глухо настолько,
Что слышно бывает, как глухо...
Это и нужно
В моём состоянии духа!*

На прощание мы стоим у дома (на снимке), где была автостанция и жили родные Н. Рубцова. Дом покосился, давно нежилой. Стройная берёзка с любопытством заглядывает в темнеющие окна, а кружевные занавески прикрыты. И у меня рождаются строки – пожелание дому у дороги:

*Пусть жарко будет натоплена печь.
И в горнице приветливо зажжётся свет.
И встретят на пороге хозяин и хозяйка.
И добрым словом
Проводят в путь приветливые люди...*

Фотография автора.

Аркадий ЩАГИН,
музыкант, бард, дальнобойщик, поэт,
автор сборника стихов
и публикаций в альманахах ТО «Объектив».

ОТЧИЙ ДОМ

*И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром...*
Н. РУБЦОВ.

Я спешил в отчий дом после долгой дороги,
измотавшись в делах, в суете без конца.
Зная то, что отцу в вечерах одиноко,
а при встрече с детьми радость есть у вдовца.

Встретит он у дверей, по-отцовски обнимет,
«Здравствуй, здравствуй, сынок», – на ушко мне шепнёт.
И бодрящей рукой мне похлопывая спину,
отодвинув печаль, он с надеждой вздохнёт.

Как обычно, мы с ним в тесной кухоньке сядем.
И за встречу – до дна, как в Руси повелось.
И роняя слезу, вместе маму помянем,
и обнимемся вновь. Как же память без слёз!

Включит старенький маг, молча вставит кассету.
Растворив тишину, погасив в сердце боль,
песни мамы плывут в душу ангельским светом.
Как давно я не слышал этот голос родной!

Просидим до утра, пересмотрим все снимки,
наш семейный альбом – кладезь прожитых лет.
Пробежим по годам: вот вы с мамой в обнимку,
а вот наши внучки и я уже дед...

Нет теперь и отца, он ушёл к своей милой.
Зажигаю свечу, стоя у алтаря,
и молитву шепчу: их прости и помилуй,
Боже милостивый, на всё воля Твоя.

ДА БЫЛ БЫ МИР!

*Мой стиль,
увы, несовершенный,
Но я ж не Пушкин,
я другой...
Н. РУБЦОВ.*

Я не стремлюсь стать признанным поэтом.
Мне, право слово, это ни к чему.

Лишь иногда зимою или летом,
когда душа взволнуется над чем-то,
да так, что замирает на бегу,
из строф сложу картинку, как могу:
про девушку с любимыми глазами,
про церкви со святыми образами,
про Русь мою, хранимую веками.

Что ждать нам в ней? Богатство иль суму?
О том известно Богу одному.

Да был бы мир в душе, в семье, в доме.
Нет, ни к чему вершины громкой славы,
когда душа с возлюбленной моей
взлетела ввысь совсем не для забавы,
а ради вечной жизни на земле.
Чтобы любовь, как птица на крыле,
парила, освещая путь во мгле.

Нина МАЛАХОВА,
пишет стихи и прозу,
публиковалась в альманахе ТО «Объектив».

РУБЦОВСКАЯ ОСЕНЬ

«Рубцовская осень» слезу вышибает –
как хрупко всё в мире, непрочно и шатко!
И снова стихи к облакам улетают:
про куклу, про клюкву, про Русь, про лошадку...

Вот жил бы да жил, пусть пил бесшабашно.
Сама бы сейчас попросила: «Налейте!»
Поэты, да что же вы пьёте так страшно?
Себя вам не жалко, хоть нас пожалейте!
Вот жил бы да жил! Сколько он не доделал!
Христа с Ильичом примирить собирался,
что, кстати, несложно. Лишь надо быть смелым.
И тот, и другой для людей постарался.

Стою и реву, и уже неприлично,
в плаще жизнерадостном цвета ванили,
с чего бы реветь? Всё же – просто отлично:
стихи его любят, его не забыли!
Стою и рыдаю. Таращатся люди.
Что смотрите, люди? Мне грустно и горько!
Пронзительный ветер сдувает и студит.
По небу разлита вечерняя зорька.

Багряным сияют промокшие клёны.
Про горницу снова поют молодые...
Глядит Николай на толпу удивлённо:
«Меня не забыли? Меня не забыли!»

Феликс КУЗНЕЦОВ,
*литературный критик, доктор филологических наук,
многие годы ответственный секретарь Московской
городской писательской организации, затем директор
Института мировой литературы им. М. Горького.*

«...О СУДЬБЕ ПОСЕДЕВШЕЙ РУСИ»

Из воспоминаний о Николае Рубцове

С того времени прошло более тридцати лет. Литературный критик Вадим Кожинов, как-то встретив меня зимой 1964 года, пригласил на вечер молодых поэтов, который он вёл.

Третьим или четвёртым выступал бывший студент Литературного института (именно так и представил его Кожинов), никому не известный в ту пору Николай Рубцов. Невысокий, худенький, в дешёвом, потрёпанном костюме, он читал, как бы отбивая себе ритм рукой:

*В горнице моей светло.
Это – от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды...
Красные цветы мои
В садике завяли все,
Лодка на речной мели
Скоро догниёт совсем...*

Окающие интонации сдержанно-напевной речи молоденького поэта сразу же напомнили мне вологодские, а точнее – тотемские родные места. Дело в том, что русский Север – кладёзь диалектов, до сих пор сохраняющих себя. Даже каждый сельсовет имеет свой, характерный речевой рисунок, своеобразие интонаций. Годы пребывания в обезличенной в речевом отношении, «акающей» Москве не лишили меня возможности по нескольким фразам узнавать земляков.

– Ты откуда? Из каких мест? – спросил я молодого поэта, когда он вышел в коридор покурить.

– Из Вологды! – с некоторым вызовом ответил мой собеседник.

– Из Вологды или дальше?..

– А тебе-то что! Всё равно ведь не знаешь!

– А может, и знаю!..

– Ну, из Тотьмы я. Это тебе что-нибудь говорит?

– Говорит, потому что и я из Тотьмы.

– Кузнецов? Феликс?!

Так состоялось наше знакомство. Моё имя он знал, потому что население Тотьмы в ту пору составляло всего пять с небольшим тысяч человек. Это была как бы одна большая деревня, где слышали о каждом человеке, по той или иной причине выпадавшем из привычной, ординарной колеи. Моего отца, после войны директора Тотемской средней школы, которую я окончил в 1948 году, после чего уехал учиться в Москву, без преувеличения, знал каждый тотмич. Николай, как выяснилось, жил в Тотьме примерно в эти же годы, учился в Тотемском лесном техникуме. Он знал моего отца и, конечно же, слышал обо мне. Тем, кто вырос в большом городе, трудно понять особое чувство, которое испытывает человек, встретившись на ветру большой, взрослой жизни с земляком, принадлежащим к одной, единой с тобой «малой» Родине.

Вне русской старины, самого воздуха глубинной и естественной истории, которая и по сей день живёт в наших местах, тайну поэзии Николая Рубцова не понять.

Не понять, откуда возникли эти пронзительные строки:

*Россия, Русь – куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы.
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избышки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шёпот их у омутной воды,
Люблю навек, до вечноного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!..*

Тотьма – город, который старше Москвы. Древний, зелёный, в обрамлении тогда полуразрушенных, но ныне восстанавливаемых церквей, строившихся когда-то на средства тотмичей-землепроходцев, покорителей Аляски и Северной Калифорнии. В полуразрушенном, но и поныне прекрасном Спасо-Суморинском монастыре размещался лесной техникум и общежитие, в котором и жил Рубцов. Всё это не могло не оставить глубокого следа в душе поэта, не сказаться на его поэзии.

Удивительно, что, когда мы встретились, у исключённого со второго курса Литературного института студента уже были написаны, но не опубликованы, десятки стихотворений, которые по

уровню своей поэтической зрелости могли стать классикой русской поэзии: «Я буду скакать по полям задремавшей отчизны», «Тихая моя Родина», «Видения на холме», «Сапоги мои – скрип да скрип...», «Русский огонёк» и другие. Мой первый порыв был – помочь земляку, сделать всё от меня зависящее, чтобы открыть миру нового поэта.

Я работал в ту пору на Всесоюзном радио, где заведовал отделом прозы, поэзии и публицистики. Мы только что учредили новую рубрику – альманах «Поэзия», который шёл по первой программе в вечернее время. И львиную долю очередного выпуска радиоальманаха я посвятил неизвестному молодому поэту Николаю Рубцову. Как жаль, что плёнка с его стихами в радиокомитете не сохранилась, но сохранилась запись стихов и песен в исполнении Рубцова, сделанная тогда же у меня дома.

А потом начались хлопоты, чтобы опубликовать хотя бы часть стихов Николая в столичной периодике. Я отнёс их в журнал «Сельская молодёжь», где был членом редколлегии, в «Известия» – не только стихи, но и статью о поэзии Рубцова, в «Литературную Россию», в другие издания.

Больше всего мне запомнился визит в редакцию журнала «Юность». Первыми читателями стихов Рубцова там были покойный Сергей Дрофенко, возглавлявший тогда отдел поэзии, и Евгений Евтушенко, курировавший этот отдел как член редколлегии. Они в задумчивом молчании прочитали подборку стихотворений, которые предложил им Коля, после чего Евтушенко с видом мэтра важно промолвил: «Ну, кое-что тут отобрать можно...» Видно было, что душу его стихи Рубцова совершенно не тронули. Это поразило меня, человека в ту пору наивного, не понимавшего расстановки сил.

Удивило и другое: появление, одновременно с «Юностью», подборки стихотворений Рубцова в «Октябре» – догматическом, сталинистском журнале, как считалось в ту пору. И, кстати, подборки куда более щедрой, богатой, чем в «Юности», объединившей лучшие стихи Николая. Лишь прочитав в «Книжном обозрении» воспоминания поэта Бориса Укачина из Горно-Алтайска «Жив человек...», я узнал, что стихи Рубцова для «Октября» отбирал и «пробивал» Владимир Максимов, который как раз в ту пору стал на короткий срок членом редколлегии этого журнала. Укачин писал: «Николай Рубцов, чуть-чуть прикрыв ресницами глаза, читал ему свои стихи. Владимир Емельянович... с добрым

вниманием слушал нового для него поэта-гостя, повторяя после каждого прочитанного стихотворения: «Хорошо, молодец!.. Я их отнесу в «Октябрь», пусть попробуют отказаться, не печатать!..»

Отношение людей к стихам Николая Рубцова было для меня как бы лакмусовой бумажкой: понимает хоть что-то человек в поэзии и жизни или нет. Я буквально носился с его стихами, читал их встречному и поперечному, внимательно вглядываясь во внутреннюю, подсознательную реакцию на них. Мне казалось, что, «пропагандируя» стихи Рубцова, помогаю молодому поэту пробиться, встать на ноги... Горжусь, что не без моей помощи (и, конечно же, помощи Вадима Кожинова, Анатолия Передреева, Станислава Куняева, других своих друзей) Николай Рубцов очень быстро, буквально за считанные месяцы, стал знаменитым. В 1965 году вышла первая книжка Рубцова «Лирика» в Архангельске и заключен договор с издательством «Советский писатель» на книгу «Звезда полей»...

Помню, как, получив по этому договору аванс, свой первый, как ему казалось, очень большой гонорар, Коля приехал ко мне домой и, показав пачку денег, сказал:

– Всё. Начинаю новую жизнь.

– И как же ты её мыслишь? – спросил я.

– Куплю корову. Гета и тёща будут довольны. Буду жить в деревне, писать стихи. Приезжать в Москву только на экзамены. И Чухину тебе не надо больше беспокоить.

Тамара Николаевна Чухина, моя одноклассница, была в ту пору секретарём Тотемского райкома партии. Когда летом 1964 года я гостил в Тотеме у отца, Рубцов, приехав из Николы, разыскал меня. Сидя в открытом кафе, на берегу Сухоны, напротив того места, где сейчас стоит замечательный памятник Рубцову скульптора Клыкова, попивая местное плодово-ягодное вино, мы обсудили много проблем и, в частности, главную: как ему восстановиться в Литературном институте, откуда он был исключён полгода назад. И вдруг Коля спросил: «Слушай, ты знаешь Чухину?» Я сказал: «Да, учились вместе. А в чём дело?» Как оказалось, она запретила местной районной газете «Ленинское знамя» печатать стихи Николая Рубцова «по морально-этическим основаниям», лишив Колю последнего заработка (за каждое стихотворение ему платили три рубля). На другой же день я пошёл к Чухиной «на приём». С недоверием вглядывалась она в московский журнал, где крупно напечатано имя её земляка. «Ну, сам посуди, – объ-

яснила своё решение: – Человек нигде не работает, попивает, с Гетой не расписывается, вот и идут из сельсовета сигналы. Меры-то надо принимать!» Тамаре было явно неловко, нелепый запрет в тот же день был снят.

Корову теще Николай так и не купил. Но зато купил на эти деньги красивую, говорящую куклу дочери и написал прекрасные стихи «Прощальная песня», где, казалось бы, навсегда прощался с деревней Nikolay. Но прощанья в итоге так и не получилось. Он был соткан из противоречий, был трудным, сложным и очень колючим. Однако при всей, казалось бы, непредсказуемости его «колючесть» была мотивированной и адресной. Он был очень тонким, прекрасно чувствующим людей человеком.

Вспоминаю, как в один из мартовских вечеров, когда Коля, как всегда без звонка, неожиданно приехал ко мне с дежурной бутылкой портвейна, у меня сидела шумная компания московской молодёжи: Андрей Тарковский, с которым я был дружен в ту пору, Александр Мишарин, композитор Вячеслав Овчинников, который писал музыку для фильма «Андрей Рублёв». Ни с одним из них Коля не был знаком. Он тихо, осторожно вошёл в комнату, бедно, по-деревенски одетый, никому из них не известный, и молча поставил бутылку портвейна на стол.

Я с тревогой, втихомолку наблюдал, как искоса, каждый на свой лад, прищурясь, поглядывают друг на друга два самых «опасных» в этой компании человека: Тарковский и Рубцов. Полярно противоположные во многом, они были похожи в одном: в полной непредсказуемости в поведении с незнакомыми людьми за столом. При этом, кто такой Тарковский, Рубцов, конечно же, знал: фильм «Андрей Рублёв» только что вышел на экран, а Николая Рубцова Тарковский видел впервые. Мне стоило огромных трудов уговорить Колю почитать свои стихи. Он прочитал только «Русский огонёк», но этого оказалось достаточно. Прошло совсем немного времени – и центр застолья переместился на Николая, точнее – на Николая и Тарковского. Их с ходу возникшая взаимная симпатия и притяжение были поразительны, особенно если учесть, насколько разными были эти люди.

Но этот вечер просто так не закончился. Портвейн и коньяк быстро подошли к концу, и, естественно, возникла идея продолжить собеседование в другом месте, в Доме актёра. Правда, возникла одна маленькая трудность: Николай приехал ко мне из Тотьмы прямо с вокзала, в валенках. Был март, и валенки, да ещё по сы-

рой мокрой погоде, не могли не вызвать решительного протеста у швейцара, стоявшего на входе в элитный ресторан. Только авторитет Андрея Тарковского и деньги в кулаке Саши Мишарина позволили без скандала разрешить этот конфликт. Но скандал всё-таки состоялся. Надо же так случиться, что в ресторане мы оказались за столом Андрона Кончаловского! Как только были произнесены первые тосты, обнаружившие всю сложность взаимоотношений между недавними друзьями Тарковским и Кончаловским, власть за столом взял Рубцов. Почувствовав снисходительное покровительство по отношению к себе, он тут же занялся Андроном настолько всерьёз, что запахло крупным скандалом. А скандалить Коле в обществе было никак нельзя, совсем недавно за скандал в ЦДЛ он был исключён из Литинститута.

Скандал в ЦДЛ возник из-за того, что Рубцова, в силу затрепезности его вида, администратор не хотел впустить в Дом литераторов, хотя студенческий билет Литинститута давал ему такое право. Бурный спор завершился рукопашной схваткой и вызовом милиции с последующей передачей дела в суд. От суда его с трудом удалось спасти благодаря усилиям Александра Яшина, который любил Николая и до конца своей жизни ему помогал. Вместе с Яшиным на судебное заседание, спасая Рубцова, пришли Борис Слуцкий, Вероника Тушнова, Станислав Куняев. Яшин обратился с просьбой о защите Колю к Симонову, вмешательство которого и спасло Рубцова от судебного приговора. Но из института его удалили безжалостно. Позднее с огромным трудом «одиозный» поэт был восстановлен в институте, но на заочном отделении, которое и окончил в 1967 году.

Рубцов не знал, что в унижительное положение на входе в ЦДЛ попадали многие литераторы. Помню, как на моих глазах в ЦДЛ не пускали молодого прозаика Валентина Распутина. Я уходил и увидел в дверях растерянного Валентина Григорьевича, перегородившую ему путь администраторшу ЦДЛ, которая долго не могла мне поверить, что он – гордость нашей литературы, большой русский писатель.

Что касается общежития Литинститута, то туда Колю запретили пускать и после восстановления на заочном отделении. И он каждый раз пробирался с чёрного хода. Его личным врагом был Циклоп – так звали студенты коменданта. Одной из причин ненависти Циклопа к Рубцову была гармонь, которую, по преданию, оставил Рубцову после окончания Литературного института Ва-

силий Белов. Гармонист всегда был первым парнем на деревне, и каждый подросток мечтал иметь гармошку, научиться играть на ней. И Белов, и Рубцов были прекрасными гармонистами. А Коля ещё любил напевать под гармошку свои стихи, положенные им же на музыку. Конечно же, это не способствовало тишине в общезжитии, жизнь которого, когда я приходил туда в гости к своим друзьям, во многом напоминала мне сумасшедший дом.

Гармонь неустанно конфисковывалась Циклопом и отправлялась на склад, откуда теми или иными путями вызволялась и возвращалась в руки студентов. Итальянский режиссёр, по национальности албанец, Анджело Гжети, друг Белова и Рубцова, учившийся в Литинституте в те годы и женившийся на красавице вологжанке, рассказывал мне, что он видел в последний раз эту гармонь уже в Вологде, когда воскресным утром по улицам важно шествовали Белов, Коротаев и несколько молодых писателей. Гармошка была в руках у Виктора Коротаева, который «наяривал» на ней русскую.

Играть на гармошке Коля научился в детском доме, в том самом селе Никольском, о котором он писал: «Люблю я деревню Николу, где кончил начальную школу...». Никольский детский дом, куда Коля попал сразу после начала войны и где провёл всё своё детство и отрочество, заменил ему семью. Добрые русские женщины, воспитатели и учителя, в те голодные и холодные годы согрели его своей любовью, и он до конца дней своих оставался верным этим местам и людям, ответив своей «малой родине» неизбывной любовью.

Его стихотворение «Детство» начинается так: «Мать умерла. Отец ушёл на фронт...» Мать умерла в 1942 году, когда Коле исполнилось всего шесть лет. И это чувство сиротства, неприкаянности, одиночества, с какой бы душевностью ни относились к нему в детдоме, конечно, же, наложило на его душу, на его характер неизгладимую печать. Он так и оставался человеком неприкаянным. С годами становился всё печальней.

Много рассказывал Николай о своём детстве, о своих приключениях в подростковом возрасте: шестнадцатилетним мальчишкой он сбежал из Тотемского лесотехникума в Архангельск, чтобы попасть на флот, стать моряком. Работал сначала библиотекарем в порту, потом все-таки попал кочегаром на рыболовецкое судно. Позднее был рабочим в Ленинграде. Оттуда призван в армию и служил четыре года на эскадренном миноносце Северного Флота.

После увольнения в запас, он возвратился в Ленинград, поступил на Кировский завод, работал кочегаром, слесарем, шлихтовщиком, и всё это время писал стихи, мечтая получить образование.

Вот такие «университеты» прошёл. И все эти годы твердо знал, что он сирота, что его мать умерла, а отец погиб на фронте, что надеяться ему не на кого, что должен всегда и во всём отвечать за себя сам. Его потрясением и его тайной болью было то, что уже под конец жизни узнал: отец его жив, на фронте встретил женщину и с ней создал новую семью, так и не попытавшись узнать о судьбе детей, потерянных в военные годы. Встреча с отцом не уменьшила в нём чувства печали и одиночества.

Горжусь, что отблеск этой дружбы пал и на меня. Как её вещественное доказательство – потрёпанный томик Тютчева, который с трогательной надписью подарил мне Коля. В своей книге «Николай Рубцов» (издательство «Советская Россия», М., 1976) Вадим Кожин, отстаивая мысль, что Рубцова нельзя свести только к деревенской традиции в нашей поэзии, пишет: «...И можно с большим основанием утверждать, что любимейшим поэтом Николая Рубцова был совсем уж не деревенский Тютчев. Он буквально не расставался с тютчевским томиком, изданным в малой серии «Библиотеки поэта», и, ложась спать, клал его под подушку...»

Когда Николая восстановили на заочном отделении Литинститута, больше всего он боялся экзамена по истории русской литературы, хотя больше всех из преподавателей уважал и любил профессора Геннадия Николаевича Поспелова, который вёл этот курс и в МГУ, был и моим учителем. Готовясь к этому экзамену, Николай приходил ко мне, наши импровизированные занятия превращались в разговоры о литературе, о которой Николай мыслил точно и свежо. Он считал себя продолжателем Тютчева. И многое мог бы ещё совершить, если бы в тридцать пять лет не ушёл из жизни.

В шесть часов утра 20 января 1971 года меня разбудил телефонный звонок. Звонил Виктор Астафьев, который жил в ту пору в Вологде и был соседом Рубцова по дому.

– Феликс, Коли не стало, – хрипло сказал он. И дальше говорить не смог...

Ольга ТРИФАНОВА,
библиотекарь,
в альманахе ТО «Объектив» печатается впервые.

СВЕТ БЕРЁЗ

Горько и обидно сознавать, что Николая Рубцова нет с нами, но его стихи звучат в душах людей, всё больше и больше находят своих поклонников. С особой любовью он воспевал уголок России, где прошли его детство и юность. Я тоже родилась и выросла в селе Никольском, куда он возвращался после многих скитаний по земле, где душа его отогревалась и находила покой. Мы со сверстниками играли у той же самой разрушенной церкви, купол которой «яркой травой зарос», ходили в ту же школу в окружении берёз, купались в той же речке Толшме, где он «плавал за рыбами». Мы учились у его первой учительницы Нины Ильиничны Клыкковой (Нечаевой), и она так же тепло заботилась о нас, как когда-то о маленьком, рано осиротевшем Коле. Мне посчастливилось провести годы детства, юности с дочерью поэта Леной. С ней и сейчас самые тёплые отношения, несмотря на то, что нас разделяют многие километры

Стихи Николая Рубцова лично для меня прекрасны все. Он один из моих самых любимых поэтов. А любимое моё дерево, как и у него, – берёза. Милую, родную, он воспел её как символ России, символ Родины, символ матери. Белые стволы берёзовой рощи на фоне летней травы и ярких цветов на всю жизнь запали в душу Николая Рубцова. В её образ в своих стихах он вложил особый смысл:

*Русь моя, люблю твои берёзы!
С первых лет я с ними жил и рос...*

А с какой любовью к берёзке, светлой печалью написаны следующие строки:

*Только чаще побеждает проза,
Словно дунет ветер хмурых дней.
Ведь шумит такая же берёза
Над могилой матери моей.*

Воспел Николай Рубцов моё любимое деревце и в стихотворении «Северная берёза»:

*На морские перекрёстки
В голубой дрожащей мгле
Смотрит пристально берёзка,*

*Чуть качаясь на скале.
Так ей хочется «Счастливо!»
Прошептать судам вослед.
Но в просторе молчаливом
Кораблей всё нет и нет...*

Здесь уже звучит душевный надрыв, возможно, и личная неустроенность поэта, одиночество, отсутствие тёплого семейного очага. А может, в образе берёзы Рубцов запечатлел седую постаревшую мать, которая выходит на берег встречать своего сыночка или хотя бы помахать ему вслед, но всё напрасно, и в просторе молчаливом никого нет, в одиночестве она продолжает ждать и ждать встречи.

В стихотворении «В горной долине» автор сравнивает красоту природы гор с природой своего родного уголка:

*И только когда вспоминаю
Тот край, где родился и рос,
Желаю я этому краю,
Чтоб было побольше берёз...*

Есть у него стихотворение «Осенние этюды»:

*А возле ветхой сказочной часовни
Стоит берёза старая, как Русь.*

Берёза, старая, как Русь. Сколько всего увидеть пришлось ей на своём веку! Вместе с теми, кто приходил к ней, она любила и верила, тихо плакала и страдала, радовалась и влюблялась. Доверив ей свои тайны, русская душа очищалась от страданий и боли, выходила из полумрака к свету истинной веры.

Берёза встречается во многих стихах Николая Рубцова. И есть какая-то таинственная связь между ним и этим деревом. Жил среди берёз, ушёл из жизни очень рано, предсказав это в одном из стихотворений:

*Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат берёзы.*

Памятник поэту в Тотье на берегу Сухоны тоже в окружении берёз. Районная библиотека, которая носит имя Николая Рубцова, встретит вас берёзками почти у самого входа. Поэт прожил короткую, как мгновение, жизнь. Светом добра наполнится и наша жизнь, если мы сможем почувствовать то, что чувствовал он.

Фотография Наталии ТРОФИМОВОЙ.

Александр ГУДКОВ,
кандидат технических наук,
доцент Вологодского университета,
пишет прозу и стихи,
публиковался в альманахах ТО «Объектив».

СНЕГ ЛЕТИТ

*Снег летит – гляди и слушай!
Так вот, просто и хитро,
Жизнь порой врачует душу...
Ну и ладно! И добро.*

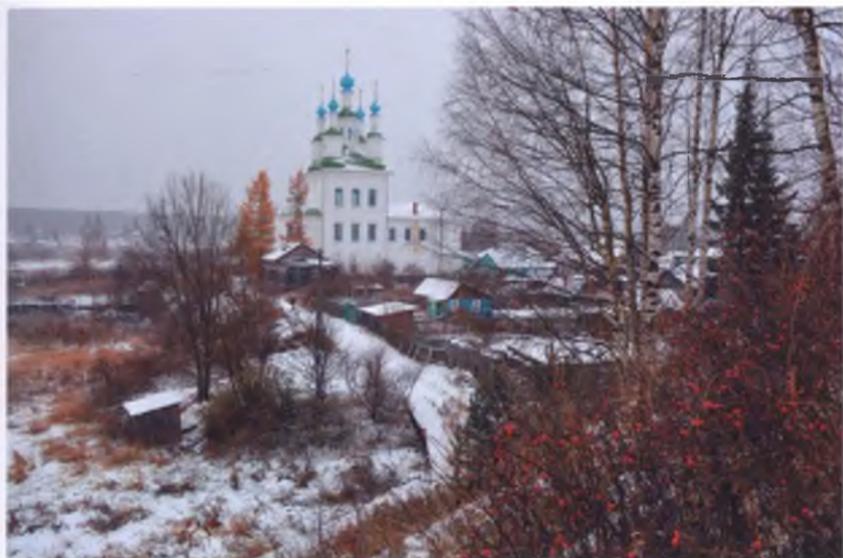
Н. РУБЦОВ.

Снег летит декабрьской ночью
Над безмолвием полей,
Беспощадно рвёт на клочья
Свет далёких фонарей.

Вьюгой русской, вьюгой снежной
Вновь закутаны дома –
В чистоте своей безбрежной
К нам нагрянула зима...

Укрывая милосердно
Грязь осенних городов,
Снег старается усердно
Спрятать все следы грехов.

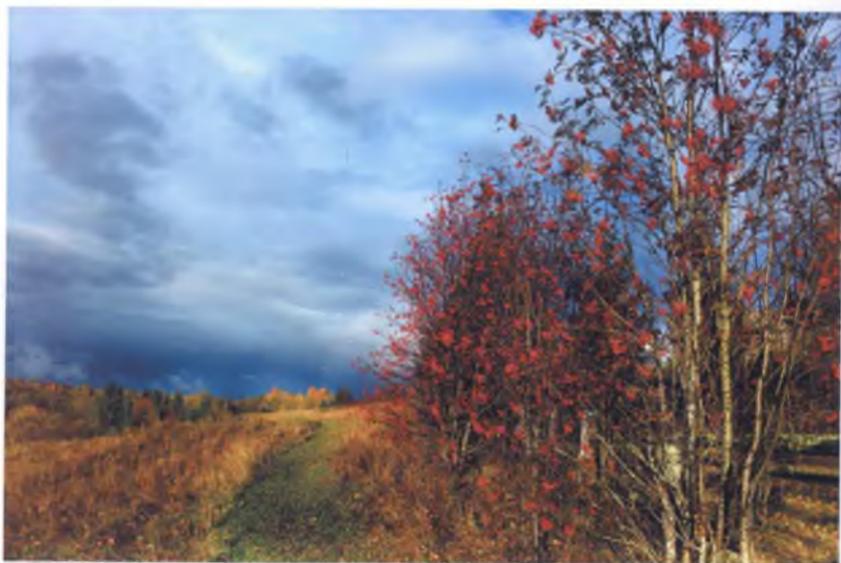
В мире белом и безгрешном
Солнце, утро разбудив,
Открывает год неспешно,
Старый год сдаёт в архив.

*Ах, кто не любит первый снег
В замерзших руслах тихих рек,
В полях, селеньях и в бору,
Слегка гудящем на ветру!*
Николай РУБЦОВ.

Первый снег в Тотье
Фотографии Натальи ТРАПЕЗНИКОВОЙ и Алексея ПАЛЫСАЕВА.

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.
Николай РУБЦОВ.*

Фотографии Натальи ТРАПЕЗНИКОВОЙ.

У ТИХОЙ РЕЧКИ

*Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.*

Н. РУБЦОВ.

Сколько рек течёт
по всей России –
тихих, светлых,
добрых и родных!
Сколько всюду
берегов счастливых,
над водой берёз,
плакучих ив!

Здесь прекрасны
заводи, туманы
и цветы
на заливных лугах.
Тишина такая
утром ранним –
слышно даже
колыханье трав.
Наталья ТРОФИМОВА.

Фотографии Александра ШВАРЁВА.

ЦВЕТУТ РОМАШКИ

*По сторонам –
качаются ромашки,
И зной звенит во все
свои звонки...*

Н. РУБЦОВ.

Цветут ромашки
Под небом синим,
Они заметны,
Они красивы.
Все в платьях белых,
И брошь – из солнца,
Им в сердце место
Всегда найдётся.
Цветут ромашки,
И зной им летний
Звонками звонко
Выводит песни,
Сливаясь с птичьим
Многоголосьем.
Цветут ромашки.
Не скоро осень...

Галина СОРОКИНА.

Фотографии Алексея ПАЛЫСАЕВА и Светланы КОРЯКИНОЙ.

*Прощальной дымкою повиты
Старушки-избы над рекой.
Незабываемые виды!
Незабываемый покой!..
Николай РУБЦОВ.*

Фотографии Наталии ТРОФИМОВОЙ и Петра ПЕТРОВА.

СТРАНА ПОЭТА

*Кто хочет поэта постичь,
должен отправиться
в страну поэта.*

Гёте.

Страна Рубцова –
и моя страна.
Мне рек его
известны имена.
Места, куда всегда
стремился он,
Мне дороги,
там мой родимый дом.
Я слушаю, как он,
и сосен шум,
и пенье птиц –
всё в том лесу брожу,
где он бывал
с друзьями и один,
куда в тоске, печали
уходил.

Наталья ТРОФИМОВА.

Фотографии Натальи ТРОФИМОВОЙ.

*Я так люблю осенний лес,
Над ним – сияние небес,
Что я хотел бы превратиться
Или в багряный тихий лист,
Иль в дождевой весёлый свист!
Николай РУБЦОВ.*

Фотографии Наталии ТРОФИМОВОЙ и Татьяны СЕМЬЯНИХИНОЙ.

Воскресенская церковь в с. Варницы на окраине Тотьмы

*И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих померкших полей,
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!..
Николай РУБЦОВ.*

Воссозданная Входаиерусалимская церковь в Тотьме

Фотографии Николая КАРАНДАШЕВА.

Татьяна ОБОРИНА,
заведующая библиотекой
Тотемского политехнического колледжа,
публиковалась в альманахе ТО «Объектив».

ТОТЬМА ПРАВОСЛАВНАЯ

*Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы...
Н. РУБЦОВ.*

Сейчас на вечерах, посвящённых памяти Николая Рубцова, и в интернете ведутся дискуссии о том, был ли он православным поэтом. В слово «православный» вкладывается разный смысл. По-моему, вся наша Русь православная, и живём мы все по православным традициям, ходим ли на церковные службы или нет. Без православной культуры, живописи, архитектуры невозможно представить нашу жизнь. И когда Рубцов, обращаясь к Родине, заявляет: «Люблю... твои погосты и молитвы», он как бы утверждает своё православное мышление. Конечно, мать его была верующая, говорят, пела в церковном хоре. И что-то отложилось с той поры в сознании ребёнка.

Поэзия его проникнута любовью к людям, к старой Руси, верой в её лучшее будущее. Вот как описывает он наш северный пейзаж в стихотворении «Душа хранит»:

*О, вид смиренный и родной!
Берёзы, избы по буграм
И, отражённый глубиной,
Как сон столетий, Божий храм...
Как будто древний этот вид
Раз навсегда запечатлён
В душе, которая хранит
Всю красоту былых времён...*

Разве это не православные мысли, впечатления! Да, в наших краях куда ни глянешь – везде храмы. Они устремляются к Небу, недаром выстроены они на возвышенных местах, дополняя живописный пейзаж творением рук человека.

Тот, кто ищет явные православные мотивы в стихах Рубцова,

часто забывает, что жил он в пору воинствующего атеизма, что каждое его стихотворение перед выходом в свет рассматривали строгие редакторы, а вслед за ними – «политически грамотные» цензоры. Что-то в угоду власти убирали, заменяли в последний момент. Об этом он упоминает в своих письмах друзьям и в редакцию.

Но душа Рубцова болит о том, что предано забвению. Поэт с сожалением говорит о поруганных храмах. Эту древнюю архитектуру рассматривает в единой связи с историей страны.

*А на горе – какая грусть! –
Лежат развалины собора,
Как будто спит былая Русь.*

Читаю эти строки – и представляю въезд в нашу Тотьму по старой вологодской дороге. Минуя мост через речку Песья Деньга, она поднимается в гору к Входаиерусалимскому Никольскому храму, сейчас одному из самых красивых и величественных в городе. А при жизни Рубцова и он, и другие наши памятники старины выглядели совсем иначе. Об истории их падения и возрождения я и рассказываю в своей статье. Думаю, молодым читателям будет интересно и полезно это узнать.

Каждый, кто впервые приезжает в Тотьму, сразу обращает внимание на устремленные ввысь купола церквей, на белоснежные храмы, похожие на корабли-парусники. До революции их было семнадцать. Многие, к сожалению, полуразрушены или полностью утрачены. Но, к счастью, сегодня в городе четыре действующие церкви. А я вспоминаю 70-е годы прошлого столетия. Тогда мы с подружками, школьницами-старшеклассницами, шли в Троицкую церковь, чтобы в трикотажном цехе Тотемского КБО, который располагался на втором этаже храма, заказать себе «олимпийку» для занятий физкультурой и модную в то время водолазку-«лапшу». Кстати, ещё раньше, в военные и послевоенные годы, в храме располагались спичечный цех артели «Красный бондарь» и ремонтные мастерские. Помню, с каким трепетом входили мы

(далёкие на тот момент от церкви и от Бога) под «купол священной обители», который не просто «яркой травой зарос», а ещё и тонкие берёзки листвой шелестели на втором ярусе церкви. Жались они к окну и друг дружке, чтобы не оборваться.

Я думала о том, почему же моя бабушка (Сергачёва Александра Андреевна, 1899 г.р.) ездит в церковь в Усть-Печеньгу, добирается парходом. Почему не может помолиться в Тотьме? Да очень просто. Именно там, в деревне Устье находится Покровская церковь – единственная на территории Тотемского района, которая не была разрушена и закрыта в

*Входоиерусалимский храм
в 70-е годы*

пору безвременья и безбожья. А в Тотьме во Входоиерусалимской церкви был винзавод, выпускавший популярное клюквенное вино, в Успенском храме на берегу Сухоны – кондитерский цех райпотребсоюза, где производили пряники, фруктовый сахар и другие вкусности. В церкви Рождества Христова – мастерская по ремонту бытовой техники. А надо бы «мастерскую» по спасению душ.

Приехав в 1983 году по распределению после окончания Вологодского педагогического института в деревню Матвеево Тотемского района, я увидела всё ту же печальную картину. Рядом со школой – полуразрушенный храм. Как потом узнала, это была Николаевская Верхнееденгская церковь. И мы, новоиспечённые педагоги, с энтузиазмом выгребали оттуда мусор, чтобы оборудовать мастерскую для уроков труда и спортзал. О детских душах тогда не думали. Вернее, думали, что обойдёмся и без церкви. Сейчас церковь в Матвеево покрыта кровлей, и остаются надежды на её консервацию и спасение.

А вот в нашей славной Тотьме, испытавшей немало бед и невзгод, сегодня каждый может прийти в храм. Туда, куда ему удоб-

ней и ближе, где ему комфортней и теплей. Прийти в будний день и в тишине храма попробовать обрести мир в себе. Прийти в воскресный день и услышать: «Мир всем», «Миром Господу помолимся!» Ведь какое это великое дело – иметь мир в себе и нести его другим.

Церковь Рождества Христова (практически в центре города) много лет назад открыла свои двери для многочисленных прихожан. В будни и праздники спешат сюда люди: тотьмичи и приезжие, большие и маленькие. Совсем недавно мы окрестили здесь своих младших внушек.

Троицкая церковь на Зелене (в Зеленой рыбацкой слободе, как говорили раньше) приветливо встречает всех, кто может прийти сюда со своими мыслями, печалью и радостями. Начались Богослужения (но только в летнее время) на втором этаже Николаевского-Входоиерусалимского храма. Внизу пока ещё музей мореходов.

И, конечно, идут тотьмичи в церковь Вознесения на территории Спасо-Суморина монастыря, где в родной обители покоятся мощи преподобного Феодосия. Святой Феодосий незримо управляет обителью, именно по его молитвам совершается всё здесь. Едут сюда паломники со всех уголков Вологодчины да, наверное, и со всей матушки России. Началось восстановление и собора Преображения Господня на территории монастыря. На его месте раньше стояла первая деревянная церковь, воздвигнутая преподобным Феодосием в 1554 году. Замечательно, что есть добрые люди, которые помогают наполнить звонницы колоколами, чтобы вернуть голос, зовущий к единению и миру. Тянутся людские ручейки к храмам, чтобы «напиться» из святого источника и обновлёнными влиться в широкую светлую реку доброты и милосердия.

Сегодня уже и Воскресенская Варницкая церковь передана Великоустюжской епархии. Здесь – непочатый край работы. Но тотьмичи верят, что праведный Максим Тотемский, мозаичное изображение которого на северной стене храма в 2000 году выложил художник Александр Пестерев, поможет мирянам когда-нибудь вновь собраться под церковными сводами Воскресенской церкви, чтобы услышать слово Христово.

Нет-нет, да и спросит субботним вечером одна из трёх моих старших внушек: «А мы пойдём завтра в храм, бабушка?»

Фотографии Петра ПЕТРОВА и Иды СМОЛЕНЦЕВОЙ.

С ДУШОЙ НЕЗРИМОГО ПОЭТА

*Бог явил нам радость
и чистоту в виде стихов Рубцова...
Такой чистоты, такой одухотворённости,
такого молитвенного отношения к миру –
у кого ещё поискать?*

Ф. АБРАМОВ.

Сейчас имя Рубцова неотделимо от культуры Вологодского края, Русского севера и России в целом. Его талант прославил Россию, а имя перешагнуло границы. Поэзия Рубцова неслучайно любима народом, она содержательно насыщена, художественно

значима, доступна пониманию людей любого возраста. Короткой была жизнь поэта, оборвалась, словно недопетая песня. Но, как говорил сам поэт, родился он для «счастья слышать голоса земные, просыпаясь поутру в светлой горнице с колодцем под окном».

Особенно дорого всё, о чём пишет Рубцов, представителям старшего поколения. Но как заинтересовать современное «цифровое» поколение – практичное и даже где-то циничное? В библиотеке Тотемского

политехнического колледжа, сочетая традиции и инновации, мы ищем новые подходы в популяризации его творчества. В нашей работе их несколько: флористические выставки; конкурсы чтецов, рисунков и фотографий; проба пера «На поэтическом крылечке»; экскурсии по рубцовским местам; встречи с писателями, поэтами, художниками; с теми, кто знал Рубцова, был рядом с ним в разные годы жизни. Об этом хочу рассказать читателям книги.

Более двадцати лет в библиотеке колледжа проходят мероприятия, посвящённые Н.М. Рубцову. Самое первое, в сентябре-октябре – выставка цветов «Рубцовская осень». Студенты и преподаватели приносят замечательные букеты, подбирая к ним

строки из рубцовских стихов: «Купите фиалки», «Замерзают мои георгины», «Журчит вода, цветут ромашки» «Зелёные цветы», «Той девушке, которую люблю», «Матиола», «Анютины глазки», «Доволен я буквально всем...» и другие. Затем мы подключаемся к ежегодной выставке «Дары природы» в Тотемской центральной библиотеке имени Н. Рубцова. Чаще всего готовим музыкально-литературную композицию по его творчеству.

Январь на Вологодчине традиционно проходит под знаком рубцовской поэзии. Ведь третьего января он появился на свет, а 19 января – скорбная дата его ухода. В Вологде и Череповце, Соколе и Бирякове, Междуречье и Липином Бору – во всех уголках Вологодчины вспоминают поэта, всюду звучат его стихи. Звучат его стихи в рубцовских центрах Москвы и Санкт-Петербурга, в Мурманске и Артёме, в Архангельской области и Алтайском крае – там, где когда-то бывал поэт, где живут поклонники его творчества.

И мы тоже не исключение. Конкурсы чтецов – формат скорее традиционный, но он выявляет талантливых чтецов и благодаря их артистичному прочтению, умению передать всю глубину авторских переживаний, поэзия Рубцова доходит до сердец слушателей. А используя информационные технологии, сопровождаем чтение видеорядом картин родной природы, каких-то сюжетных сцен – так появляется возможность визуализировать текст.

При подготовке к конкурсам рисунков и фотографий, иллюстрирующих стихи Рубцова, наши читатели, обладающие художественным талантом, вовлекаются в процесс вдумчивого чтения. Ведь прежде чем нарисовать, нужно прочесть стихи внимательно, выбрать то, которое захочется иллюстрировать. А эти иллюстрации служат своеобразным фоном для литературных вечеров и творческих встреч. Фотоработы также предполагают предварительное знакомство со стихами, чтобы увидеть «картинку», как в стихах Рубцова.

Конкурсы буктрейлеров – видеороликов на стихи поэта – как способ продвижения книги, привлечения к творческой работе читателей, мы начали осваивать сравнительно недавно, но он уже «набирает обороты». Каждый может попробовать себя в роли сценариста и режиссёра.

Студенты Тотемского политехнического колледжа не раз бывали в селе Никольском – на духовной родине поэта как раз в январские дни. Заснеженная дорога, деревья вдоль нее в шикар-

ных белых шубах и шапках – просто сказка! В пути вспоминаем строки: «Ах, кто не любит первый снег!», «Выпал снег и все забылось...», «По дрова» и многие другие.

Незабываемые впечатления остались от поездки в Николу в январе 2015 года. Ещё на улице, как дорогих гостей, встретила нас хозяйка Бирюзового дома Кошелева Марина Николаевна. И началось волшебство! И музыка Моцарта, и колокольный звон, и свечи, и ароматный чай – интерактивная программа не оставила никого равнодушным. Каждый был задействован в канве сценария. Каждый почувствовал, что этот дом пропитан любовью и светом, и, конечно же, поэзией Рубцова. «Окупись, душа, в чистую волну» – буклеты с таким названием и календари получили в подарок студенты. Мне подумалось, что именно этой строчкой можно подытожить наше пребывание в Бирюзовом доме, которое подготовило к встрече в музее Николая Рубцова.

Здесь уже ждала нас Галина Алексеевна Мартюкова, заведующая музеем. Переходя из одного зала в другой, «листая страницу за страницей» нелёгкой жизни поэта, она помогла понять нам Рубцова, его противоречивый характер, его тонкую душу. Чувство незримого присутствия автора не покидало нас и благодаря тому, что здесь услышали в записи, как он читает свои стихи.

Логическим продолжением стала экскурсия по селу. Мы шли по той дороге, где когда-то ходил Рубцов. Останавливались у занесённых снегом домов, где он бывал. Подошли к церкви Николая

Чудотворца (точнее – небольшой восстановленной её части). Нам рассказали об истории этой церкви и её возрождения. Мы поставили свечи, каждый побыл наедине со своими мыслями.

В школе села нас встречала директор Юлия Алексеевна Шадрина. Прежде чем совершили ещё одну экскурсию, здесь нас накормили горячим обедом. Затем Юлия Алексеевна показала свою школу, и мы были, честно говоря, удивлены, с какой любовью оформлен каждый класс, как гармонично соседствуют кабинет информатики и музей старинных вещей. И здесь тоже мы побывали в музее Рубцова. Уезжали с таким чувством, как будто окунулись в чистую волну рубцовской лирики.

На экскурсии по литературной Вологде посетили места, связанные с именем Рубцова. Мы стояли возле памятника поэту неподалеку от речного вокзала и все вместе декламировали: «Я уплыву на пароходе...» Побывали и у дома, в котором суждено было ему прожить свои последние годы. Прошлись по улочкам, где ходил Николай Рубцов.

Генриетта Михайловна Меньшикова, жена Николая Рубцова, предстала перед нами скромной, доброй и мудрой женщиной (её тоже уже нет в живых). С необыкновенным теплом и какой-то светлой печалью вспоминала она годы своей юности. Достоинно перенесла все выпавшие на её долю испытания, не роптала на судьбу. Так и всплывают строки: «Есть женщины в русских селеньях»... Нашим девочкам она советовала: «Не бойтесь трудностей в жизни, живите по совести».

В Тотьме немало мест, связанных с жизнью и творчеством поэта. Это Спасо-Суморин монастырь, где находился Тотемский лесотехнический техникум, в котором учился Николай Рубцов, дом на улице Красной, где он бывал в гостях у друга Сергея Багрова, редакция газеты «Тотемские вести» (тогда «Ленинское знамя»), где он встречался с журналистами, куда приносил свои стихи.

Необычные уроки проводили в колледже писатель Сергей Петрович Багров и поэт Анатолий Сергеевич Мартюков. Рассказы-воспоминания Мартюкова позволяли живо представить босоногое детство будущих поэтов. Затаив дыхание слушали студенты воспоминания Сергея Петровича о том, как учились друзья в Тотемском лесотехническом техникуме. Их интересовало всё: и размер стипендии, и порядок, дисциплина в техникуме, и оценки, и чем занимались учащиеся в свободное время. И, конечно, каким был тогда Николай Рубцов.

Встречались студенты с Маргаритой Афанасьевной Шананиной, основателем первого музея, посвящённого Н. Рубцову. Вклад этой удивительной женщины, талантливого педагога в сохранение памяти о Рубцове неоценим. Результатом её подвижнической деятельности стали главы в уникальной книге «Воспоминания о Рубцове», которую мы постоянно используем в работе. Маргарита Афанасьевна и её воспитанники представили в ней сведения о поэте, что называется, из первых уст. Они записали воспоминания тех, с кем он встречался и общался. Со всей России ехали и до сих пор едут к ней почитатели рубцовского таланта, истинные ценители его творчества.

Незабываемы встречи в селе Никольском с Ольгой Александровной Фокиной, которая хорошо знала Рубцова, и с Юрием Беляевым, автором и исполнителем многочисленных песен на его стихи. Несколько лет назад многие посетили в Тотьме концерт народной артистки России Татьяны Петровой. Она исполняла песни на стихи поэта в сопровождении президентского оркестра. Пожалуй, именно после её выступлений зрители оценили масштабность популярности поэзии Рубцова. Не менее впечатляющей была и встреча с исполнителем рубцовских песен Александром Морозовым. Теперь на каждом литературном вечере студенты сами также исполняют песни на стихи Рубцова. Очень любят «В горнице», «Я буду долго гнать велосипед», «Улетели листья» и другие.

Студенты любят участвовать в интеллектуальных играх «Что? Где? Когда?» и «Счастливый случай», посвящённых творчеству Николая Рубцова, которые стали традиционными в колледже. Интерактивные формы всегда привлекают их. Но прежде, чем сесть за игровой стол, командам надо основательно подготовиться: перечитать огромное количество воспоминаний друзей поэта, литературной критики и, конечно, стихов. Ответы на многие вопросы – в стихах.

О том, какое воздействие может оказать поэзия Рубцова, стихотворение (пусть несовершенное, но очень искреннее) нашей студентки Елены Гусевой. Оно написано сразу после поездки в село Никольское:

*Я еду с родины Рубцова,
Автобус мчится в город снова.
А здесь коснулась я душой
С душой незримого поэта.*

*Пусть нет его, но он живой.
Грусть-сирота его согрета
В сердечных песнях у людей.
И стали все вокруг добрей.*

Пожалуй, самое главное, самое важное во всей нашей работе, что чувства добрые просыпаются в душах и сердцах молодёжи, что под влиянием рубцовской лирики юные читатели пробуют писать. Это побуждение к творчеству и пробуждение творчества студентов, юных читателей дорогого стоит. Вот строки из стихотворения студентки Александры Красавиной – простого, незамысловатого, но написанного от души:

*Всегда в моём сердце Рубцов будет жить,
Стихи его учат Россию любить.
Леса и озёра, луга и поля –
Взгляни, как прекрасна родная земля...*

Мы сотрудничаем с местной газетой «Тотемские вести», которая на своих литературных страницах публикует стихи начинающих поэтов. Итогом нашей работы можно назвать и выпуск сборника стихов: «На поэтическом крылечке», посвящённом 75-летию Н.М. Рубцова. Затем появились сборники А. Смеловой «Начни с себя», М. Пожилова «Краевой ветер». С «Поэтического крылечка» началась дорога в поэзию нашего выпускника Виктора Романова. В тотемской библиотеке с успехом прошла презентация его сборника «Лабиринт моей души». Сейчас работаем над новым сборником, куда войдут стихи и рисунки студентов и преподавателей.

«Моё слово верное прозвенит!», – говорил поэт. А наша задача – помочь услышать это слово и через его поэзию «возделывать души» юных читателей.

На снимке: стихотворение Н. Рубцова «Купавы» читает студентка Мария Маслова; экскурсию в Рубцовском музее села Никольское ведёт Г.А. Мартюкова.

*Фотографии Татьяны ОБОРИНОЙ
и Андрея НЕСТЕРЕНКО.*

Людмила ПОЛЕВИКОВА,
товаровед, пишет стихи,
автор двух поэтических книжек,
печаталась в альманахах ТО «Объектив».

У ПАМЯТНИКА РУБЦОВУ В ТОТЬМЕ

Туман спустился на старинный город.
Безлюдно, где когда-то был причал.
Здесь Николай Рубцов, когда был молод,
Любил, кутил и песни распевал.

Здесь сочинял про клюкву и морошку,
Ждал осенью последний пароход.
Свои стихи читал под русскую гармошку,
Встречал над Сухоной сияющий восход.

На каменной скамье сидит теперь, мечтает,
Ногой качает песне ветра в такт,
И каждому сесть рядом разрешает,
Как будто не поэт, а так – земляк!

Смотря с улыбкой на любимый город,
Рассказывает тихо землякам,
Как счастлив был, душой и сердцем молод,
Как Русь любил и Музу в гости ждал!

ПЕРВЫЙ РУБЦОВСКИЙ МУЗЕЙ

С творчеством Николая Рубцова в 70-е годы XX века были знакомы немногие, как при его жизни, так и после смерти. Известность к поэту приходила постепенно. Появились воспоминания о нём, чаще стали публиковать стихи, на стихи слагать песни.

Для тотмичей, земляков поэта, было делом долга собрать материал о Николае Рубцове, чья жизнь тесно связана с этим маленьким городком на берегу Сухоны. Жил он в детском доме в селе Никольском Тотемского района, где окончил семь классов. Этому селу с детдомом посвящены строки «Люблю я деревню Николу, где кончил начальную школу...», да и во многих других стихотворениях упоминается это село.

Творчеством Николая Рубцова заинтересовалась преподаватель Тотемской средней школы № 1 Маргарита Афанасьевна Шананина, когда в 1975 году в наш город приехали его друг по литературному институту Анатолий Передреев и литературный критик Вадим Кожин, автор будущей книги о поэте-земляке. Тогда она решила, что будет вместе с ребятами знакомиться с жизнью и творчеством поэта. Ученики под её руководством собирали документы, воспоминания, составившие основу экспозиции первого музея, посвященного Рубцову. Сразу откликнулись бывшие пионервожатые Никольского детского дома; учителя и воспитатели Е.И. Семенихина, Е.Д. Перекрест, А.И. Корюкина, А.М. Жданова, А.А. Соколов, Е.А. Аносова, Е.А. Меньшикова, К.В. Игошева, а также воспитанники детского дома А.С. Мартюков, Н.Г. Курочкина. Потом, после встречи в школьном музее и другие тотмичи, гости города передали свои документы и воспоми-

нения. О периоде учёбы в Тотемском лесотехническом техникуме рассказали преподаватели Н.Н. Алексеевская и А.Ф. Корюкина.

– С каким усердием, энтузиазмом почти вся школа писала письма друзьям, землякам, родным поэта, бывшим воспитанникам Никольского детского дома, разделившим с ним годы военного лихолетья, а затем оформляла альбомы, стенды. В семидесятые годы не так уж много было известно о поэте. Многие тотьмичи не могли оценить его творчество, зато охотно иронизировали по поводу быта, житейской неустроенности одаренного земляка, – вспоминает М.А. Шананина.

В фондах музея хранятся редкие снимки его детдомовского детства, фотокопии с паспорта, домовая книга детского дома, книги с автографами, газетные материалы, воспоминания, архивные документы, альбомы. Есть копия письма начальнику штаба ВМС США, подписанная старшим матросом Николаем Рубцовым.

Рубцов стал любимым поэтом старшеклассников. Ребята писали сценарии фильмов, литературных вечеров, проводили конкурсы, викторины, беседы. В 1986 году был организован праздник поэзии, посвящённый творчеству Николая Рубцова. Используя архивную фотографию, ребята и Маргарита Афанасьевна разыскали бывших воспитанников Никольского детского дома и пригласили их на праздник. Вечер провели члены Тотемского литературного объединения «Тихая моя родина», в нём приняли участие не только любители поэзии из Вологды и Вологодской области, но и из других городов России.

До ухода на пенсию в 1993 году Шананина руководила музеем, вела факультатив по творчеству поэта. Авторитет её среди почитателей творчества Рубцова настолько велик, что учительнице постоянно пишут из Мурманска, Москвы, Воронежа, Санкт-Петербурга и других мест России. Авторы редких книг о Рубцове высылают ей подарочные экземпляры. Бесценный подарок от В.Д. Зинченко – составителя нового трёхтомника Н. Рубцова, выпущенного популярным издательством «Терра». Здесь самая полная биография поэта, представлено всё его творчество: стихи, переводы, экспромты, прозаические произведения, литературно-критические статьи, письма с подробными комментариями. Когда на почте открывали посылку, работники и посетители смотрели на книги с доброй завистью и спрашивали: «Где можно купить? Так хочется иметь в домашней библиотеке». Вот это и есть высшая

оценка поэта читателями. И, безусловно, работа юных краеведов во главе с М.А. Шананиной.

Многих объединяет любовь к поэзии Рубцова, интерес к нашему северному краю. Люди писали и приезжали в Тотьму, посещая созданный учительницей музей поэта – первый в Тотьме и в России. Молодая женщина из далёкой Тюменской области с двумя дочками, кузнец из Дзержинска, студенты из Ужгорода в поезде на обратном пути пели «В горнице», им подпевали пассажиры. Маргарита Афанасьевна влюбила в поэзию Рубцова художников-практикантов из Ленинграда, которые оформили стенды школьного музея, не взяв за труд ни копейки.

В 1983 году в Тотьме побывал корреспондент журнала «Совет лайф» (Советская жизнь), издающегося в США. Ему было дано задание – написать о старинном северном городке, родине основателя форта Росс И.А. Кускова. Корреспондент посетил и музей Николая Рубцова. В журнале появилась статья о нашем городе, в которой упоминались музей и его основатель.

21 сентября 1985 года на крутом берегу Сухоны собрались сотни тотьмичей на торжественное открытие сквера имени Николая Рубцова, в котором установлена скульптурная композиция. Спустя полтора года гипсовая скульптура была заменена бронзовой, отлитой на заводе в Мытищах.

Сбылись пророческие слова поэта:

*Моё слово верное прозвонит,
Буду я, наверное, знаменит,
Мне поставят памятник на селе...*

Сейчас в стране немало рубцовских центров, счёт музеев перевалил за сотню, именем его названы десятки улиц больших и малых городов России. Повсюду проводятся рубцовские фестивали, литературные праздники, чтения. М.А. Шананина говорит: «Силой своего таланта он разбудил самые сокровенные чувства, которые всегда объединяли людей. И в первую очередь – трепетную любовь к родному краю, к своей тихой родине».

*На снимке: воспитанники у Никольского детдома. 50-е годы.
Фото из архива музея.*

Лидия БОГДАНОВА,
выпускница 1941 года Тотемской школы № 1,
автор публикаций в альманахах ТО «Объектив».

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

*Но моя родимая земля
Надо мной удерживает связь.
Память возвращается, как птица,
В то гнездо, в котором родилась.*
Н. РУБЦОВ.

Эти строки уносят меня на родину, в Тотьму, тихий зелёный городок на высоком берегу Сухоны. Ему Николай Рубцов посвятил немало стихотворений. Он писал:

*Тот город зелёный и тихий
Отрадно заброшен и глух.
Достойно, без лишней шумихи,
Поёт, как в деревне, петух...*

Да, такой патриархальной и тихой была Тотьма и в двадцатых – сороковых годах прошлого века – в пору моего детства, и позднее, когда бывал здесь Николай Рубцов.

В 1941 году я окончила в Тотьме среднюю школу. Потом была война, а после войны с мужем-одноклассником мы немало поездили по стране, он, офицер, служил в разных гарнизонах. Сейчас живу в подмосковном Пушкине. А родные места всегда влекут. Там побывали и дочери наши, и внуки.

Мы с мужем в семидесятых – восьмидесятых годах часто приезжали в свою школу на встречи выпускников сорок первого. Летом 1976 года на такой встрече одноклассница Мария Васильевна Трофимова подарила мне книжку стихов Рубцова со словами: «Почитай. Это наш земляк. Одно время жил и учился в Тотьме. А теперь знаменитый поэт».

Я всегда любила стихи. Многие помнила наизусть, наслаждалась их музыкальностью. Поэзия Николая Рубцова сразу подкупала меня певучестью рифм, искренностью, простотой и в то же время глубиной чувств. А ещё – горячей нежностью и любовью к родной земле, к России в целом. Постоянное его обращение к деревне, где рос, к неброской северной природе, пробуждают приятные и грустные воспоминания. Такие знакомые пейзажи узнаю в его стихах! И Сухону нашу, тогда полноводную, и светлые боры, и холмы, и луга – всё родное и дорогое сердцу!

Рубцов писал:

*Взбегу на холм и упаду в траву,
И древностью повеет вдруг из дола...*

Так же и мы с братом, друзьями любовались с высоты холмов родными просторами, сухонскими далями, живописными речками Ковдой и Песьей Деньгой, ивами и черёмухами у воды. Всё это живо в памяти до сих пор.

А вот строки из стихотворения «Осенний этюд»:

*Утром проснёшься на чердаке.
Выглянешь – ветры свистят!
Быстрые волны бегут по реке,
Мокнет, качается сад.*

И опять всё узнаваемо, дорого, мило...

Время многое изменило. Мой родной городок тоже меняется. Он давно уже не «заброшен и глух». Ведёт туда из Вологды прекрасная дорога. Реставрированы многие церкви, открыты новые музеи. И всё же остаётся Тотьма тихим зелёным городком с привлекательными окрестностями. Теперь отовсюду едут на мою родину туристы, чтобы полюбоваться и стариной, бережно хранимой, и красотой здешних мест.

В тихом переулке стоит ещё деревянный домик с резными наличниками, уютным крылечком, палисадником, где в годы моего детства цвели неизменные лилейник да синие тувельки аконита.

*На снимке набережная Сухоны в Тотьме, где любил
прогуливаться Николай Рубцов.
Фотография Наталии ТРОФИМОВОЙ.*

Александр ШВАРЁВ,
водитель, механик, пишет стихи и прозу,
публиковался во многих альманахах ТО «Объектив».

ПРО ЛОШАДЕЙ

*Шагай, шагай тихонечко,
Мой бедный старый конь...
И вдруг заржал он молодо,
Гордясь без похвалы,
Когда увидел Вологду
Сквозь заволочу мглы...
Н. РУБЦОВ.*

Николай Рубцов очень душевно и трогательно пишет о лошадях. Замечательное стихотворение «Деревенские ночи»:

*Ветер под окошками, тихий, как мечтание,
А за огородами, в сумерках полей
Крики перепёлок, ранних звёзд мерцание,
Ржание стреноженных молодых коней.
К табуну с уздечкою выбегу из мрака я,
Самого горячего выберу коня,
И по травам скошенным, удилами звякая,
Конь в село соседнее понесёт меня...*

Это картинка из моего детства. Да, у тех, кто вырос в деревне, отношение к лошадям особенное. Это умное, доброе, трудолюби-

вое животное, но у каждой лошади свой характер, каждую надо понять, к каждой подход найти.

Боже, как страстно мы любили лошадей! Уверен, у мальчишек, моих товарищей, самая большая мечта была стать конюхом, хозяином деревенской конюшни. Лет с семи до четырнадцати всё свободное время проводили около лошадей. Даже игры у конюшни устраивали, уходить от коней не хотелось. Особенно в каникулы: осенние, зимние и весенние – о летних-то что и говорить. Матери знали, где нас искать, если долго дома нет. И не было такого понятия, чтоб просто покататься, а всё только с пользой для дела. Мы и не задумывались, что в те пятидесятые – шестидесятые годы наша помощь, ох, каким подспорьем для деревни была.

Первое, что доверялось, – топтаться в силосной яме. Это в земле сруб, как у колодца, но больше. Глубина метра четыре. Наваливают туда траву с булышом, т.е. выше краёв, и загоняют лошадь. Не сразу это получается, она чувствует, что провалится, и упирается. Всё равно там оказывается. Естественно, проваливается сначала до дна, и теперь её работа – утаптывать траву, которую сверху валят, пока яма не заполнится. Тут и нужен мальчишка, сидящий на лошади и весь день её погоняющий. Если до вечера не успели заполнить яму, оставляют там лошадь на ночь. Желающих на такую работу много. Во-первых, катаешься, да ещё и трудодни бригадир поставит.

На лошадях ребята постарше возят с полей траву на силос. Как и все, я тоже начинал с работы в яме. Быстро почувствовав, что такая квалификация для меня низка, стал доказывать бригадире необходимость дать мне лошадь с телегой, чтобы возить траву. Как он только ни уворачивался! Но я день за днём ходил за ним по пятам, излагал свои аргументы «за» против его «против». Бригадир терпеливо слушал. Однако же говорил, что больше нет ни лошадей, ни телег.

– Вот Колька уже большой, и пусть он грузит траву вместе с бабами, а я на его лошади буду возить, – предлагаю ему.

– Нет, Колька никак не согласится.

– Ну, ладно, а вот Павел молоко утром с фермы на маслозавод свезёт на Марте (лошадь средних достоинств), и та до вечера стоит. А сколько бы пользы было, если бы я в это время на Марте траву возил!

– Ну, вот иди к Павлу, уговаривай.

И уговорил. Эх, вскочил на грабарку, держусь за вожжи, стою во весь рост, размахивая немалой вицей. Вскачь пронёсся по деревне на пожню. Так весь день и носился от пожни к яме и обратно под подшучивание мужиков и оханье баб. Вечером старшая сестра говорит: «Бабам с тобой связываться неохота, мне наказывали, чтоб ездил потише, а то ведь лошадь-то загоняешь, паразит».

Но моя профессиональность была признана, и на другой же день нашлись и лошадь, и телега специально для меня. А ещё из-за этой лихости на какое-то время за мной держалось прозвище «Цыган», чем я гордился. Остальные этапы: окучивать картошку, пахать плугом на паре, работать тройкой на косилке пришли сами с подрастанием.

Всем нам был хорошо известен норов каждого коня и его привычки. Как с кем лучше управляться – друг другу советовали. Без конца могли про них говорить. Был конь Гоголь, любитель запоры открывать. Чтобы выйти из стойла, надо зубами деревянный палец вытянуть, шеей приподнять перекладину и двинуть её вперёд – только тогда упадёт. Это ему хорошо удавалось, идёт Гоголь по конюшне и всех лошадей выпускает. Мы за ним подсматривали сверху в дыры, через которые корм с повети сыплют.

И злопамятность есть у некоторых лошадей, как пришлось убедиться. Обидел я Искру, лучшую кобылу конюшни. Шёл как-то по проходу – и такой удар копытом меж лопаток от неё получил, что не скоро очнулся. Был конь Мишка – любитель газет. Развернёт бригада из газет свой обед, а он, как ждёт, тут же подойдёт и начинает их жевать. Ещё мне помнится, гнали мы лошадей в пожни на ночь. Я, может, больше других усердствовал? Вдруг Гоголь в какое-то мгновение от всех отделяется и бьёт копытами мне под подошвы. Делаю какой-то пируэт – и оказываюсь сидящим на траве перед своим конем. С Маяком таких случаев не было, да и быть не могло. Этот большой сильный чёрный конь спокоен в любой работе и всё как будто о чём-то думает. Его и стегать, чтобы бежал быстрее, рука не поднимается. Надо, так бежит, и не тише других, только солиднее. Всегда коренной. В плуге с Гоголем лучше пары нет, весь день выходят, темпа не меняя.

С лошадьми порой бывает, как с книгами: то к одному автору привяжешься, то другой больше начинает нравиться, то снова к тому же вернёшься. В выборе лошадей без необходимости нам

никто не препятствовал. Одно время нравился мне Хасан, хоть морда у него какая-то не русская, горбатая, непостоянный характер. Но то смиренный, хоть воду вози, то вздыбится в любой момент.

Недаром писал Н.В. Гоголь: «Какой же русский не любит быстрой езды!» Гоняют теперь всюду на автомобилях. Но счастлив, кто испытал, что такое верховая езда!

Николай Рубцов тоже не раз летел на коне наперегонки с ветром и очень хорошо передаёт это ощущение:

*Я буду скакать по полям задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племён,
Как прежде скакали на голос удачи капризной,
Я буду скакать по следам миновавших времён...*

Действительно, на коне порой уносишься в какие-то неведомые дали, любуясь в пути просторами родной земли.

Фотография Алексея ПАЛЫСАЕВА.

МОЯ ВОЛОГДА

*Печальная Вологда дремлет
На тёмной печальной земле...
Н. РУБЦОВ.*

В Вологде я живу уже полвека и хорошо помню её рубцовой поры. Больше было тихих улочек и переулков, деревянных домов с резными наличниками и балконами. Всё наше, русское, родное! Но, бывало, пройдёшься где-то по окраине, да ещё в стылую, хмурую пору, посмотришь, как рано гаснут огни в домах – и проникнешься рубцовой печалью. Да, природу и городской пейзаж человек всегда воспринимает

ет в соответствии со своим настроением, состоянием души. А поэт бродил тогда по улицам неприкаянный, то где-то в неуютном общежитии, то у друзей ночует. Пребывая в грусти и печали, и Вологду он видел печальной, дремлющей.

А у меня всё не так. Жилось смолоду весело. Столько интересного открыл и открываю для себя в нашем городе, столько талантливых людей здесь узнал!

Вот моё стихотворение о Вологде – такой, какую её люблю:

Город звенящий,
в грезах летящий,
Вологду-речку
тесно обнявший.
То дремлет лениво,
то шумно спешит,
То вдруг нелепицей
всех рассмешит.
Кружевом хитрым
дивит да стихом,
Музыкой, песней,
лихим огоньком.
Молит, бранится,
яро грешит,
Угодлив, задирист,
ласкает, дерзит.
Разинув рот
от восхищенья,
Я жду его
благословенья.

Фотография Натальи ТРОФИМОВОЙ.

Галина СОРОКИНА,
*поэт, автор трёх стихотворных сборников,
многих публикаций стихов и прозы
в альманахах ТО «Объектив».*

ТИХИЙ ГОЛОС НАРОДА

Моё знакомство с поэзией Николая Рубцова произошло в довольно-таки зрелом возрасте. И началось оно с песни «В горнице моей светло...». Казалось бы, простые слова – и цветы завяли, и лодка скоро сгниёт, а сколько в них смысла: буду думать о своей судьбе, в которой, конечно же, есть место и этим цветам, и лодке.

Однако же я не потянулась сердцем к его стихам, решив, что да, они душевные, но и только, а подвигло меня поглубже «влезть в стихи» этого автора знакомство с молодым преподавателем из Ярославля, который буквально не расставался со сборником Рубцова и всё повторял: «Эх, был бы у нас такой поэт!» Меня разоблало любопытство, что же там такого, в этих стихах? Я взяла сборник (купила двухтомник для знакомой по её просьбе, но вручить не успела, она уехала из Вологды) и стала вдумчиво читать. И, говоря современным сленгом, меня «зацепило»! Сколько же любви у него к своей малой родине! Любви тихой, грустной, щемящей душу.

Рубцова часто сравнивают с Есениным, вот и Вадим Кожинов в своих воспоминаниях о Николае Рубцове пишет о том, как его отец не пустил в квартиру Рубцова, потому что тот был одет очень хорошо. Дело было перед Новым годом. Тогда Николай поехал в общежитие Литературного института, туда же приехал Вадим, и они встретили Новый год там, а потом Вадим позвонил отцу: «Ты даже представить себе не можешь, КОГО ты не пустил на свой порог, всё равно что Есенина не пустил...». Было это 1 января 1965 года.

Композитор Георгий Свиридов писал о Рубцове: «Николай Рубцов – тихий голос великого народа, потаённый, глубокий, скрытый». И действительно, если у Есенина – всё нараспашку, то у Рубцова – «тихая моя родина...», вполголоса, почти шёпотом, читаешь и комок в горле...

В семилетнем возрасте я услышала песню «Летят перелётные

птицы», и меня, ребёнка, буквально пронзили слова «Не нужно мне солнца чужого, чужая земля не нужна», эта песня одна из моих любимых, её я считаю гимном любви к своей Родине, и у Рубцова есть стихотворение, где лейтмотивом проходит та же мысль: «За все хоромы я не отдам свой низкий дом с крапивой под оконцем...».

Николай Рубцов в своих стихах не раз признавался в любви к берёзам. И в заключение приведу отрывок из стихотворения Николая Рубцова «В горной долине», с его пожеланием:

*Я видел суровые страны,
Я видел крушение и смерть,
Слагал я стихи и романы, –
Не знал я, где эти тюльпаны,
Давно бы решил посмотреть!*

*И только когда вспоминаю
Тот край, где родился и рос,
Желаю я этому краю,
Чтоб было побольше берёз...*

Постоянно читаю и перечитываю стихи Рубцова. Вот несколько моих стихотворений с его эпиграфами:

РУБЦОВСКАЯ ОСЕНЬ

*Я люблю, когда шумят берёзы,
Когда листья падают с берёз.
Слушаю – и набегают слёзы
На глаза, отвыкшие от слёз...*

*Как просто в прекрасную глушь листопада...
Н. РУБЦОВ.*

Рубцовские строки ложатся на сердце,
Задуматься просят, ещё – оглядеться,
Родные просторы, родные берёзы...
Рубцовская осень...Рубцовские слёзы...

В прекрасную глушь листопада уводят
Небесные звуки – то плач журавлиный.
Душа сиротеет и знает: отныне
Рыдание птиц отразится в природе.

И листья повалятся с веток на землю,
Малиново-жёлтой предстанут постелью,
Потом унесутся, гонимые ветром,
Шурша по асфальту романсом неспетым.

Проходит и плачет дождём морозящим
Унылая осень по скверам и паркам.
Но помнят березы, что было и жарко,
Шумела листва. В мире всё преходяще...

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

*Узорным чистым полотенцем
Свисает радуга с берёз.
Н. РУБЦОВ.*

На небо тучка набежала,
И ливень хлынул озорной.
Ни пчёл, ни бабочек не стало,
Все дружно ринулись домой.
И даже лёгкий гром прокашлял,
Зонты раскрылись, а затем
Не стало тучи, кто-то спрятал
И дождь, и тучу насовсем.
И солнце брызнуло лучами,
Вон по траве и по листьям
Вдруг пробежали огоньками
Десятки солнц и тут и там.
Выводит соловей коленца,
На листьях – капли чьих-то слёз,
Узорным чистым полотенцем
Свисает радуга с берёз.

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

*Ах, эта злая старуха осень,
Лицо нахмура,
Ко мне стучится...*

Н. РУБЦОВ.

Осень, натужено кашляя ветром,
Хлопает ставнями в доме пустом.
Грустным романсом, чуть-чуть недопетым,
Птицы прощально помашут крылом.
Сизым туманом закутаны плечи,
Рдяные листья горят в волосах,
Сквозь неуютный нетающий вечер
Осень проходит в прозрачных слезах.
Дробь дождевая стреляет по окнам,
Мёртвые листья лежат на земле.
В доме покинутом, мрачном и мокром
Ветры шатаются навеселе.
Осень ненастная бродит угрюмо,
Осень устала, пора на покой.
Думы осенние, грустные думы,
Вновь завладели моей головой.
Слякотно. Сыро. Тяжёлое небо
Словно провисло, касается крыш.
Солнышка хочется капельку, мне бы
Легче творилось, а ну-ка, услышь!
Ну-ка, услышь, и лучом раскалённым,
Словно копьём, эти тучи пробей!
И над землёй золотым перезвоном
Словно опять запоёт соловей,
Словно опять зацветут первоцветы,
Словно опять заиграет листва...
Словно опять... Но клубятся рассветы,
И в никуда убегают слова.

Олеся ВОРОНОВИЧ,
программист,
автор публикаций в альманахах ТО «Объектив».

ДОРОГА В НИКОЛУ

Лето. Жара. Мы большой компанией едем из Тотьмы в село Никольское, на родину Рубцова. Всего каких-то восемьдесят километров, но в знойный день по пыльной грунтовой дороге кажутся ужасно утомительными. Но вспоминаем стихи любимого поэта. Поём песни, и время летит незаметно... И вот оно – живописное село на берегу реки Толшмы. Место, с которым тесно связана недолгая жизнь Рубцова. Именно здесь поэт воспитывался в детском доме и сюда неоднократно возвращался.

Экскурсия по музею. Невероятно душевная обстановка, которую можно почувствовать только в русской глубинке. Приветливые, добрые люди, отголоски старинной русской самобытности. Гостеприимство и всегда открытые двери в домах: заходи без стука. Мы, горожане, давно от такого отвыкли.

Типичный для русского севера пейзаж. Зелёные поля и небольшая речушка. Казалось бы, ничего особенного. Но именно в таких местах отдыхаешь душой. От городской суеты, пустых разговоров, общественного транспорта и ненужных мыслей.

Недолгая прогулка, и мы снова в путь. Сколько раз прошёл, проехал по этой дороге Рубцов! В детские годы, и много-много раз позднее. И в дождь, и в снег, и в осеннюю распутицу, чаще всего – от Николы до Сухоны, к пароходу и обратно. Он пишет:

*Вспомни – о родина! – праздник на этой дороге!
Шумной гурьбой под луной мы катались, играя,
Снег освещённый летел вороному под ноги.
Бег всё быстрее... Вот вырвались в белое поле...*

Вспоминаю одно из своих любимых стихотворений поэта «Старый конь». По эмоциональному наполнению оно очень точно отражает наше подходящее к концу путешествие. А поэт пишет, как он ехал когда-то: конь, колокольчик под дугой, долгое возвращение в родные места, тоска и ожидание встречи... Хотя в стихотворении передаются тяготы непростого пути, чувствуется приподнятая эмоциональная настроенность автора – радость встречи с дорогой для него землёй.

Импонирует мне в тексте повторение гласной о, которое вызывает стойкую ассоциацию с характерным вологодским говором. Как многие рубцовские произведения, «Старый конь» положен на музыку. И, подъезжая к Тотьме, мы дружно напеваем, по традиции утрируя букву о:

*Я долго ехал волоком,
И долго лес ночной
Всё слушал медный колокол,
Звеневший под дугой.*

*Звени, звени, легонечко,
Мой колокол, трезвонь!
Шагай, шагай тихонечко,
Мой верный старый конь!*

Эта и другие песни на стихи Николая Рубцова звучат под гитару на творческих встречах в нашем клубе «Объектив», в походах у костра.

*На снимке: члены творческого
объединения «Объектив»
у бюста поэта в музее села Никола. 2010 г.
Фотография Ирины КУЗНЕЦОВОЙ.*

Сергей БАГРОВ,

член Союза писателей, друг Николая Рубцова с юных лет.

ЗОЛОТАЯ ДУША

У каждого, кто у реки родился, есть местечко на берегу, куда всегда почему-то манит, словно там ожидает тебя приятель, по которому ты нет-нет да и взгрустнёшь.

Приезжая в Тотму, я спешу всякий раз на песчаный обрыв, где стоит наша большая старинная школа. Под обрывом – неторопливая сильная Сухона с мысами и островами, белопалубным теплоходом и флотилией лодок, моторок и катеров. На реке, как всегда в годы моей молодости, шла работа. Бухал в воду причальный канат, шлёпали вёсла. Доносились гудки проходящих судов. На гигантской змеиной шее плыла голова портового крана. А вон знакомый голубенький катер. Сколько раз встречал его на закате! И этим вечером встретиться довелось. В рубке катера Коля Брязгин. Я рад ему, как человеку, чья юность прошла, прикасаясь к моей, на одних и тех же улицах и дорогах. Машу Николаю рукой. Он в ответ сигналил из рубки.

Я люблю встречаться с людьми из былого, с кем когда-то бегал в кино, с кем рыбачил, плавал на лодке, жёг ночные костры и впервые с робкой душой торопился на летнюю танцплощадку...

Стою в тени тополей и смотрю как притывается к берегу катер. В ветхом кителе речника, белоносых полуботинках, с толстой чалкой в руке, Николай затем, наверное, и родился, чтобы всю жизнь провести на реке. Спускаясь по трапу, он виновато и ласково улыбается, отгребая свободной рукой под фуражку пригоршню соломенно-жёлтых волос.

С той поры нашей юности пронеслось много лет, очень много, но мне почему-то кажется, будто это случилось вчера. Что

же случилось? Да так, ничего. Просто была одна странная славная встреча. А за день до неё я бродил вдоль реки с Николаем Рубцовым, слушал песни его и стихи, потом прощально помахал пароходу, на котором поэт уплывал к своей Николе.

– Ты когда вернёшься назад? – любопытствовал я.

– Через несколько дней.

И вот Брязгин, узнав от меня, что Рубцов был в Тотьме и уехал, задал тот же самый вопрос:

– Он когда вернётся?

– Через несколько дней, – ответил словами Рубцова.

Брязгин вздохнул с сожалением и досадой. Я его понимал. Как-никак лесной техникум, где когда-то мы учились, Брязгину был памятен тем, что он жил в общежитии вместе с Рубцовым, койка к койке, знал о сильной его любви к красивой девушке Лене и о тех внезапных отчаянных песнях, которые он сочинял под гармошку в минуты тоски.

Брязгину так хотелось узнать о Рубцове:

– Как живёт-то хоть он?

– Слава Богу, без суеты.

– Хорошо?

– Иногда хорошо.

– А с деньгами?

– Деньги будут потом.

– А сейчас?

– Сейчас ветер свистит в карманах.

Вид в тот вечер у катериста был какой-то усталый и приморённый. Да оно и понятно – целый день в железной посудине на воде. Мало того, что привёз на барже из Коченьги в Тотьму колхозных быков, так ещё и до Усть-Печеньги сгонял, куда отвозил семенное зерно, разгружать там некому было, и ему пришлось подставлять под мешки свой хребет.

– Значит, ветер свистит в карманах, – огорчился Брязгин и сказал, немного помявшись, – я сегодня десять рублей подработал. Мне-то опять в рейс, а ты не мог бы их отдать Рубцову?

Не хотел я брать эти десять рублей. Они были нужны Брязгину, как и всякому, кто не умел зарабатывать деньги, хотя нуждался в них каждый день. Брязгин был хозяином дома, в котором росли сыновья. Однако он настоял:

– Я понимаю, это не сумма. И всё-таки передай. Но ради Бога, не проболтайся, что рубли от меня.

Через несколько дней я снова бродил с Рубцовым у школы под тополями. Достал из кармана деньги, сказал:

– Это тебе. От хорошего человека. Он хотел с тобой встретиться, да не смог, поэтому и попросил меня передать.

С минуту, наверное, Николай, смотрел каким-то прищуренным острым, до дна души достигающим взором.

– Человек этот – ты! – заявил он.

– Нет! Нет! – я испугался, подумав, что Рубцов может мне, пожалуй, и не поверить. – Он знает тебя. И ты его знаешь. Только умолял о себе ни слова не говорить.

Николай взглянул куда-то за Сухону, за зубцы темнеющих ёлок, точно видел там нечто открывшееся ему, улыбнулся.

– Душа у него золотая! – сказал и весёлой пробежкой двинулся вдоль тополей.

– Жди! – обернулся.

Возвратился через четверть часа с хорошим местным вином. Распечатал бутылку. Счастливым голосом предложил:

– Выпьем за тех, кто нас любит.

Мне захотелось узнать поконкретнее:

– Кто, интересно, нас может любить?

Рубцов рассмеялся:

– Золотая душа!..

И вот снова «золотая душа», за которую в тот вечер поэт поднимал тост, спускается по трапику на песок. Я протянул ему руку:

– Как поживаешь?

– Всё по-старому, – улыбнулся Брызгин. И я увидел в его улыбке, в его усталом постаревшем лице и руке, убиравшей под ветхую мичманку с крабом жёлтую прядку волос, всё того же друга моей юности, с кем встречаться готов всегда, потому что он помнит былое, помнит старых товарищей, в ком с беспокойно бьющимся сердцем узнаёшь самого себя.

Фотография Иды СМОЛЕНЦЕВОЙ.

Валентин ОСОВСКОЙ,
водитель с большим стажем, пишет стихи и прозу,
автор трёх поэтических сборников,
многие годы жил в посёлке Первомайском
Тотемского района, недалеко от рубцовской Николы.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Быль

*Когда-нибудь ужасной будет ночь.
И мне навстречу злобно и обидно
Такой буран засвищет, что невмочь,
Что станет свету белого не видно!
Но я пойду!..*

Н. РУБЦОВ.

Ночь, мороз уж градусов под двадцать,
Метёт позёмка, мутная луна.
Гусеницы трактора кружатся,
И дорога вся освещена.

Под звёздами, под фарами покажутся
То хутора, берёзки да прогон,
То деревни огоньки появятся
Или дом, сугробом занесён.

Дорога на подъём и снегопад,
Скорости убавим – и вперёд,
Вихри вокруг трактора кружат.
Видим чей-то след. И кто бредёт

Одинокий через непогоду,
Пробираясь сквозь мороз и снег?
Такого не видали мы отроду –
Шёл на шум мотора человек.

Встали мы и дверцу приоткрыли:
Залезай, погрейся, довезём.
И махоркой крепкой угостили –
Стало веселее нам втроём.

«Не знаю как, но сбился здесь с дороги,
Замёрз я очень, а у вас тепло.
Сниму ботинки. Как замёрзли ноги!
И тело моё холодом свело.

Мне, ребята, до Николы надо,
Если довезёте – заплачу.
Дом второй от школьного фасада.
Жену увидеть я давно хочу».

Два часа прошло – и вот Никола:
С моста горушка, слева старый храм,
Будто от снарядного оскола
Верх его разрушен пополам.

Деньги подаёт, в горсти сжимая
Последние, наверно, пятаки.
«Мы денег не берём», – сказали, провожая.
«Ну, тогда спасибо, мужики!»

«А как зовут тебя?» – «Никола.
Мы жили тут без матерей, отцов,
Вот детский дом, а это наша школа.
Фамилия моя простецкая – Рубцов».

Мы тогда его совсем не знали...
Пролетело много зим и лет.
Уж давно стихи его читаем,
Он теперь известнейший поэт.

НА БОЛОТЕ

*От всех чудес всемирного потопа
Досталось нам безбрежное болото,
На сотни вёрст усыпанное клюквой,
Овеянное сказками и былью
Прошедших здесь крестьянских поколений...
Н. РУБЦОВ.*

Мы с Рубцовым на одном болоте
Брали клюкву крупную, с ядро.
Журавли кричали нам в полёте,
Роняя тёплой осени перо.
Рубцов сидел на зыбкой кочке,
Клюкву ел, смакуя и маня,
Полные корзины-бересточки
Нёс домой он, бережно храня.
Для нас одно обширное болото
В народе говорят: «Большая чисть»,
Телегу подгоняй, коли охота,
Клюквой нагружай да не ленись.
Я в одном конце того болота,
Рубцов с другой, Никольской стороны.
Будто меня видит издалёка,
Машет кепкой – ближе подходи...
Я ту осень часто вспоминаю,
Рядом журавли взлетали ввысь,
Только одного не понимаю,
Как же мы с Рубцовым разошлись?..

Станислав КУДРИНСКИЙ,

*фотохудожник, автор нескольких фотоальбомов,
печатался в альманахе ТО «Объектив».*

О ВСТРЕЧЕ НА ЦИПИНОЙ ГОРЕ

С другом-художником Юрием Петровым в августе 1970 года мы совершили путешествие по Сухоне на моторной лодке. После этого поехали в деревню Оденьево Кирилловского района, где у Юры был дом. Деревня находится на самой высокой точке района – Ципиной горе (204 м). В полутора километрах красивое озеро с Ильинской Ципинской церковью на берегу, в трёх километрах – знаменитый Ферапонтов монастырь с фресками Дионисия.

Красота окружающей природы, древние храмы, простые русские люди – источник вдохновения и для художников, и для поэтов, прекрасное место для творчества. У Юрия Петрова двери дома были всегда открыты для друзей. Подолгу здесь жили художники Валентин Малыгин и Евгений Уханов. Практически всё лето и часть осени 1970 года у него прожил Николай Рубцов.

15 августа этого же года деревню посетил очередной творческий десант. Этот момент запечатлён на фотографии из архива Юрия Петрова. Здесь в Оденьево художник Валентин Малыгин сделал с натуры наброски портрета Николая Рубцова. Когда мы с Юрой 3 сентября приехали в деревню, Валентин показал нам уже готовый портрет. Он послужил основой для его картины «Николай Рубцов», которая впервые демонстрировалась на областной выставке в декабре 1970 года и сейчас находится в Тотемском музейном

*Вид с Ципиной горы. У озера внизу – Ильинская церковь,
вдали – Ферапонтов монастырь.*

На снимке: лежат – Евгений Уханов, болгарский художник-реставратор Любен Прашков, Владислав Сергеев, Владимир Корбаков; сидят – Юрий Петров, жена Прашкова, Николай Рубцов, Валентин Малыгин, актриса Шувалова.

объединении. Это единственное прижизненное живописное изображение поэта.

Рубцова в тот день не было, отлучился по делам в Вологду, вернулся через день, но не один, а с целой компанией. Привёз их на УАЗе Энгельс Федосеев – корреспондент Всесоюзного радио в Вологде. У них с собой было. В доме сразу стало шумно и весело. За добавкой съездили в Ферапонтово. Наше застолье затянулось до позднего вечера. Вдруг, не сговариваясь, все сразу стали просить Рубцова почитать новые стихи. Николай сразу ожил, преобразился и абсолютно трезвым голосом стал читать. Тогда мне в память врезалось стихотворение, которое начиналось так: «Поезд мчался с грохотом и воем, поезд мчался с ляганьем и свистом...» Я просто был потрясен, как он его читал, аж мурашки пошли. Только позднее нашёл это стихотворение в сборнике «Избранная лирика», изданном в 1974 году. Оно называлось «Поезд».

Вот таким я и запомнил поэта – читающим проникновенные стихи, которые шли у него откуда-то изнутри. Шли с такой болью и в то же время с радостью. В январе следующего года Николая Рубцова не стало.

Фотографии автора.

Татьяна ЛИВЕНЦЕВА,
библиотекарь, автор рассказов и стихотворений,
публиковалась в альманахах клуба «Объектив».

КАК МОЮ БАБУШКУ СПАС НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Я вологжанка, но в 16 лет судьба забросила меня на Кубань. После скромной северной природы красоты юга очаровали, и я с восторгом писала в письмах своим подругам: «Сейчас я расскажу вам о Кубани, о станице, речке Гнаге, о полях, что без конца и края, о счастливой сказочной звезде...»

В этом возрасте все верят в счастливую звезду. Верила и я. Молодость есть молодость. Конечно, первое время тосковала по лесу, особенно, когда наступал сезон сбора грибов, ягод, скупала по друзьям, по малой родине. Но молодому деревцу легче прижиться на новом месте. Я поняла это, когда через несколько лет мы привезли на Кубань бабушку. Её не радовали ни цветущие вишни, ни яблони. Чтобы унять тоску, она каждый день шла к райисполкому, где росли ёлки, так напоминающие ей свою местность, и ходила там между ними, тяжело вздыхая.

Однажды в руки мне случайно попался журнал. Теперь уже не помню его названия. В подборке стихов «О чём поёт душа...» было стихотворение Николая Дружининского, которое начиналось так:

*Город Тотьма. Тополя, Угоры
Да церквушки крестик вдалеке.
Я приеду, может, очень скоро –
На «Заре» по Сухоне-реке.*

Как же я обрадовалась! Как будто получила весточку с родины. Вечером прочитала его бабушке.

*Может быть, единственного слова,
Чтоб душа вдруг вспыхнула – чиста,
Тотьма – это молодость Рубцова,
Больше, чем понятие «места»...*

С трудом достала томик стихов Н. Рубцова, и вот он, антидепрессант! Его стихи заменили и мне, и особенно бабушке, радость общения с деревней, лесом, речкой. Как же они были созвучны нашему настроению:

*Деревня, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг – везде о них тоскую.
И, разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверное, другую...*

Прошло много лет. Бабушки давно уже нет в живых. Но наша деревня стоит. И живут в ней мои земляки, которым я посвятила своё стихотворение:

ДЕРЕВНЯ ДУШНЕВО

Ах, душа моя, душа,
Душнево – деревня.
Тут река, и там река,
За рекой – деревья.

А вокруг такая тишь
И ромашек поле.
Кто здесь жил, кого любил,
Кто искал здесь долю?

Две реки слились в одну,
Обнялись надолго.
Перекатами журча,
Добегут до Волги.

Кто названье дал тебе?
Чья душа болела?
Церковь строил 40 лет,
А за час сгорела.

Сердце ноет и болит.
Вновь оно в печали.
Прежде чем сказать: «Прости...»,
Помолись вначале.

Посмотрю на божий храм,
Прошепчу: «Простите...»
И услышу я в ответ:
«Душу берегите!»

НЕ ПЕЧАЛЬСЯ...

Другу

*И сдержанный говор печален
На тёмном печальном крыльце,
Всё было весёлым вначале,
Всё стало печальным в конце.*
Н. РУБЦОВ.

Не печалься, я не замечаю
Ни морщин твоих и ни седин.
Мы нальём сейчас с тобою чаю,
Молча на крылечке посидим.

Может, есть места поинтереснее,
И друзья всё критикуют быт.
Ну, а нам теперь яснее ясного,
Что рюкзак заброшен и забыт.

Не тревожит мнение романтиков.
Ты в душе моей всегда один.
А вокруг ковёр из одуванчиков
И резная изгородь рябин.

Валентина СКОРЮКОВА,
*педагог, поэт, автор трёх стихотворных сборников,
лауреат четырёх международных рубцовских
поэтических конкурсов «Звезда полей»,
печаталась в альманахе ТО «Объектив».*

ДОРОГА В НИКОЛУ

Поеду снова, отложив дела,
Забыв про все заботы и тревоги,
Туда, куда душа всегда звала,
В его деревню, по его дороге.
По той же самой, что ведёт, пыля,
До Сухоны со стареньким паромом.
Куда ни глянь, кругом леса, поля,
Куда ни глянь, все близко и знакомо.
А там и до Николы доберусь,
Чтоб сердцем с нею вновь соприкоснуться,
Он с этих мест родную видел Русь,
А уезжая, так хотел вернуться!
Поэт сюда пешком ходил не раз,
Лицо не пряча от дождей и ветра,
Пока хватало сил, за часом час,
Шёл, за спиной оставив километры.
Он размышлял о жизни, о судьбе,
И в мыслях строки новые рождались.
Земля родная так влекла к себе,
Что забывалась всякая усталость.
Он снова плыл по Сухоне-реке
Под светом солнца, неба голубого,
Качали волны бакен вдалеке,
А впереди его ждала Никола.
И у кого сегодня ни спроси,
Туда душа у всякого стремится.
Идут и едут люди всей Руси
Деревне его детства поклониться.
И я вернусь в рубцовские края
По зову сердца средь зимы и лета
Дорогой той же, что ведёт меня
На родину великого поэта.

ГУЛЯЮТ ВЕТРА ПО ОКРУГЕ

Гуляют ветра по округе,
От боли немеет душа.
Январские белые выюги
Допеть свою песню спешат.

Пройдя сквозь лишенья и муки,
По трудным дорогам судьбы,
Он слышал печальные звуки,
Которых не слышали мы.

Он чувствовал: чёрная птица
Демоном страшным кружит,
Как крошится жизнь по крупичам,
Как мало осталось прожить.

А птица над ним продолжала
Крылами безжалостно бить.
Печальное сердце стучало
Не в силах судьбу изменить.

Давно отшумели метели
У смертной далёкой черты.
Жаль, мы убереечь не сумели
Его от той страшной беды.

Над кладбищем в небе морозном
У многие годы подряд
Большие и малые звёзды
Покой его вечный хранят.

И в вечности этой суровой,
Как символ добра и любви,
Великое имя Рубцова
Звездой очень яркой горит.

Анна ГОРБУНОВА,
старший преподаватель
Вологодского государственного университета,
автор повести, романа, стихов,
публиковалась в альманахах ТО «Объектив».

ДЕРЕВЕНСКИЕ НОЧИ

*Всё люблю без памяти в деревенском стане я.
Будоражат сердце мне в сумерках полей
Крики перепёлок, дальних звёзд мерцание,
Ржание стреноженных молодых коней...*

Н. РУБЦОВ.

Мышь скребётся – ночью страшно,
Выйти ночью страшно мне.
Поезд свистнул – кто-то едет
На железном том коне.

Ночь находит на деревню,
Как огромный хмурый ком.
Знаю я, что травы в росах,
Не грущу я ни о ком.

Постучи по стенке палкой –
Перестанет мышь скрестись.
Ничего в мечтах не жалко,
Пусть проходит эта жизнь.

Для чего скребётся мышью
Всё же сердце невпопад?
Я люблю деревню ночью,
Но на свой какой-то лад.

Александр ЧЕРНИЦКИЙ,
*рабочий подшипникового завода, поэт,
автор книги стихов, публиковался
в альманахах ТО «Объектив».*

МУЗЫКА РУБЦОВА

*Улетели листья с тополей...
Н. РУБЦОВ.*

Улетели листья с тополей,
А за ними птицы распахнули
Широту и грусть родных полей,
Что осенней свежести вдохнули.

С высоты небесного крыльца
Свои мысли собираю снова.
Чтобы неизбежность до конца
Осознать как музыку Рубцова.

ПАРОДИИ

Галина СОРОКИНА

МУЖИКИ

*Бывало, вырядимся с шиком
В костюмы, в шляпы – и айда!..*

*Ах, сколько их в кустах и в дюнах,
У белых мраморных колонн
Мужчин, взволнованных и юных...
Н. РУБЦОВ.*

Мужики, мужчины и мужчинки,
Сколько вас и в дюнах, и в кустах!
На свои взирая половинки,
Вы к другим уноситесь в мечтах.

Все стройны, взволнованны и юны,
Сколько фраз красивых и стихов,
И в романсах сладких тают струны,
И порхают стаи мотыльков...

Погляди – все выряжены с шиком,
В шляпах, при костюмах – господа!
Мол, и мы совсем не лыком шиты,
Мы ещё мужчины – хоть куда!

И пускай красotka с ликом гордым
Смотрит томно, там, среди колонн,
Нас, мужчин, в кустах и в дюнах – орды,
Ну, а сколько женщин? Миллион!

Молодость ушла и не вернёшь,
ребята.
Шелестим остатками волос,
что делать?
Солнышко описывает круг
за кругом,
жизненный отсчитывая срок
при этом.

Александр ГУДКОВ

ВОПРОС

*Я весь в мазуте, весь в тавоте,
Зато работаю в тралфлоте.
Н. РУБЦОВ.*

Пусть не в мазуте, не в тавоте
Я пребываю каждый день,
А моюсь мылом на работе,
Если, конечно, мне не лень.
Пусть не назёмом свинофермы
Пропах мой городской костюм –
Исправно посещаю «термы»
И даже пользую парфюм!
Пусть грязь болот непроходимых
Давно забыли сапоги,
А кожа башмаков любимых
Блестит – хоть радугу зажги.
И все ж вопрос – при всём при этом,
Задам себе, забыв про такт:
А самобытным ли поэтом
Останусь я? – Совсем не факт!

Александр ШВАРЁВ

КОГДА УМРУ...

Я умру в крещенские морозы...
Н. РУБЦОВ.

Не вздумайте меня жалеть,
Давно хотел я умереть.
Теперь отсюда, где быть всем,
Ничтожность вижу всех проблем,
Которые хотел решить,
Что мне мешали уходить.

Наталья ТРОФИМОВА

В ДРУГИХ МИРАХ

Я умру в крещенские морозы...
Н. РУБЦОВ.

Не вздумайте меня жалеть...
А.ШВАРЁВ.

Не вздумайте меня жалеть.
Так интересно умереть,
Переселиться в мир иной!
Там, может, будут вновь со мной
Все, кто мне дорог был и мил,
Кто на Земле меня любил.

Они уж там, а я грущу.
В иных мирах их отыщу.
Нет, всё не превратится в прах,
Жизнь интересна в тех мирах.
Быть может, среди тех стихий
Живут, рождаются стихи.

СОДЕРЖАНИЕ

С. БАГРОВ. Без поэзии нет России	3
Н. ТРОФИМОВА. Ностальгическое путешествие с Рубцовым	5
Горят огни	17
Рубцовский холм	18
В минуты музыки	19
Забытая земля	20
Прекрасный день	21
Тотьма	21
Чудный месяц	22
Грусть	22
А. ДОБРЫНИН. Мистика	23
Какой могла бы быть моя встреча с Рубцовым	24
Т. КОЗЛОВА. «Поверьте мне: я чист душою...»	25
Т. СЕМЬЯНИХИНА. Рубцов о русском лесе	30
Добрый Филя	32
Н. ТРАПЕЗНИКОВА. Состояние духа	33
А. ЦАГИН. Отчий дом	35
Да был бы мир!	36
Н. МАЛАХОВА. Рубцовская осень	37
Ф. КУЗНЕЦОВ. «...О судьбе поседевшей Руси»	38
О. ТРИФАНОВА. Свет берёз	46
А. ГУДКОВ. Снег летит	48
Т. ОБОРИНА. Тотьма православная	49
С душой незримого поэта	53
Л. ПОЛЕВИКОВА. У памятника Рубцову в Тотьме	59
А. НОСКОВА. Первый рубцовский музей	60
Л. БОГДАНОВА. Тихая моя родина	63
А. ШВАРЁВ. Про лошадей	65
Моя Вологда	68
Г. СОРОКИНА. Тихий голос народа	70
Рубцовская осень	71
После дождя	72
Осеннее настроение	73
О. ВОРОНОВИЧ. Дорога в Николу	74
С. БАГРОВ. Золотая душа	76
В. ОСОВСКОЙ. Зимняя дорога	79
На болоте	81

С. КУДРИНСКИЙ. О встрече на Ципиной горе	82
Т. ЛИВЕНЦЕВА. Как мою бабушку спас Николай Рубцов	84
Деревня Душнево	85
Не печалься	86
В. СКОРЮКОВА. Дорога в Николу	87
Гуляют ветра по округе	88
А. ГОРБУНОВА. Деревенские ночи	89
А. ЧЕРНИЦКИЙ. Музыка Рубцова	90
ПАРОДИИ	
Г. СОРОКИНА. Мужики	91
МУМ	92
А. ГУДКОВ. Вопрос	93
А. ШВАРЁВ. Когда умру	94
Н. ТРОФИМОВА. В других мирах	94

Литературно-художественное издание

Рубцовские мотивы

Альманах творческого объединения «Объектив»
Вологодской областной универсальной научной библиотеки.

Фотографии на первой странице обложки Николая **КАРАНДАШЕВА**,
на последней странице – Наталии **ТРОФИМОВОЙ**.

Редактор-составитель Н.Б. Трофимова.
Корректоры Н.В. Карандашев, А.И. Казанцева.

Подписано в печать 30.04.2019
Формат 84x108/₃₂.
Печать офсетная.
Гарнитура Arial
Усл. печ. л. 5,04. Тираж 300 экз. Заказ 1136.

ООО ПФ «Полиграф-Периодика»,
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3

